

ХРОНИКА ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР

ВЫПУСК 9

МАЙ — ИЮНЬ 1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХРОНИКА»

Нью-Йорк, 1974

**ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

ХРОНИКА ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР

КАЖДЫЙ человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

*Всеобщая декларация прав
человека, статья 19.*

ВЫПУСК 9

Май-Июнь 1974

ГОД ИЗДАНИЯ — ВТОРОЙ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХРОНИКА»
НЬЮ-ЙОРК**

«Хроника защиты прав в СССР» составляется редакцией
издательства «Хроника пресс».

Главный редактор издательства: Валерий Чалидзе.

Редакционная коллегия: Питер Реддавей,
Эдвард Клайн
Павел Литвинов

A CHRONICLE OF HUMAN RIGHTS IN THE USSR
is compiled by the editors of the KHRONIKA PRESS.

Editor-in-Chief, Khronika Press: VALERY CHALIDZE

Editorial Board: PETER REDDAWAY, London
EDWARD KLINE, New York
PAVEL LITVINOV, New York

Copyright © 1974 by KHRONIKA PRESS

Published by: KHRONIKA PRESS, 505 8th Ave., New York, N.Y. 10018

Printed by: WALDON PRESS, 216 W. 18th St., New York, N.Y. 10011

СОДЕРЖАНИЕ

Возобновление «Хроники текущих событий»	5
Группа-73 и Международная федерация прав человека .	6
Процесс Суперфина	7
Осуждение Некипелова и Пирогова	11
Сахаров в защиту политзаключенных	14
Дело Хейфеца	16
Документы по делу Эткинда	17
Заявление Александра Гинзбурга	26
Отстранен отец Дмитрий Дудко	27
Краткие сообщения	28
Personalia	
Петр Григоренко	31
Валентин Мороз	37
Документы	
Жалоба Чалидзе в ООН о дискриминации крымских татар	39
Дело Акимова	57
Указатель имен	62

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Журнал «Хроника защиты прав в СССР» информирует читателя о событиях, связанных с советскими и западными выступлениями в защиту прав человека и социальных меньшинств в СССР и о том, как власти в СССР защищают и нарушают права человека и меньшинств, при этом основное внимание будет уделяться наиболее типичным нарушениям прав.

«Хроника защиты прав в СССР» не занимает политически мотивированной позиции и не содержит редакционных оценок по поводу описываемых событий. При отборе информации основное внимание уделяется степени её достоверности, что, по мнению издательства, более важно, чем оперативность и полнота публикаций.

Ограниченность объема журнала не позволяет издательству более полно информировать читателей о многочисленных западных выступлениях в защиту прав человека в СССР и о движении советских евреев за выезд в Израиль.

Издательство не принимает пожертвований от государственных и политических организаций.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ »ХРОНИКИ ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ«

В мае после 18-месячного перерыва был возобновлен выпуск известного самиздатовского информационного журнала «Хроника текущих событий».

Вышли в свет выпуски 28, 29, 30, а несколько позднее, 17 мая, выпуск 31, специально посвященный движению крымских татар за возвращение в Крым.

В связи с возобновлением издания «Хроники текущих событий» члены Инициативной группы Татьяна Великанова, Татьяна Ходорович и Сергей Ковалев сделали заявление, в котором отметили важность возобновления издания «Хроники», несмотря на преследования и попытки со стороны властей пресечь издание этого журнала. «Хроника текущих событий» издается с 1968 г.; ее издание было приостановлено после выхода 27 выпуска в ноябре 1972 г. По обвинению в изготовлении и распространении «Хроники» в разное время подвергались преследованию Наталия Горбаневская, Петр Якир, Виктор Красин, Ирина Белгородская, Габриэль Суперфин и многие другие. В 1973 г. сотрудники КГБ угрожали московскому литератору Анатолию Якобсону арестом в случае выхода очередного выпуска «Хроники». Известно, что в 1972-1973 г. многие участники движения в защиту прав человека в СССР подвергались допросам в связи с предполагаемой причастностью к изданию «Хроники». Систематическим допросам подвергалась, в частности, Ирина Якир, которая весной прошлого года заявила о том, что она редактировала все выпуски «Хроники» начиная с выпуска 12.

Как можно понять, редакция «Хроники текущих событий» работает в условиях, весьма затрудняющих сбор и проверку информации. Несмотря на это за прошедшие 6 лет «Хроника текущих событий» пользуется в осведомленных кругах авторитетом одного из наиболее акуратных источников информации о движении в защиту прав человека и о нарушениях прав человека в СССР.

В выпуске 7 помещена редакционная заметка по вопросу о достоверности публикуемой в «Хронике» информации:

Хроника стремится к максимальной достоверности сообщаемой информации. В тех случаях, когда нет абсолютной уверенности

в том, что то или иное событие произошло, Хроника указывает, что сообщение дается по слухам. Но при этом хроника просит своих читателей быть внимательными и точными, передавая информацию для ее выпуска.

Ряд неточностей возникает в процессе размножения экземпляров Хроники. Это ошибка в именах и фамилиях, в датах и номерах — число их увеличивается от перепечатки к перепечатке, их не исправишь по смыслу, как любую другую опечатку.

Обращаясь к читателям «Хроники» в предисловии к 28 выпуску, редакция «Хроники» пишет:

Причиной приостановления издания «Хроники» явились неоднократные и недвусмысленные угрозы органов КГБ отвечать на каждый новый выпуск «Хроники» новыми арестами — арестами людей, подозреваемых КГБ в издании или распространении новых или прошлых выпусков (см. материалы настоящего и следующего выпусков о «деле» № 24). Природа нравственной ситуации, в которой оказались люди, поставленные перед тяжелой необходимостью принимать решения не только за себя, не нуждается в пояснениях. Но и дальнейшее молчание означало бы поддержку — пусть косвенную и пассивную — «тактики заложников», несовместимой с правом, моралью и достоинством человека. Поэтому «Хроника» возобновляет публикацию материалов, имея в виду сохранить не только суть, но и стиль прежних выпусков.

В мае издательство «Хроника» в Нью-Йорке выпустило отдельной брошюрой 28-й выпуск «Хроники текущих событий». В июле в этом издательстве выходит в свет сборник, содержащий 28-31 выпуски. Готовятся иноязычные издания.

ГРУППА-73 И МЕЖДУНАРОДНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В мае стало известно о том, что «Группа 73» ассоциирована с Международной федерацией прав человека.

«Группа 73» была учреждена в Москве 1 сентября 1973 г. при участии одного из основателей Комитета прав человека Андрея Твердохлебова с целью изучения проблем помощи «узникам совести и политзаключенным». (см. «Хроника защиты» 4).

Принципы «группы 73»* содержат в частности, п. 5 о возможности творческих контактов Группы с международ-

* Подписаны В. Альбрехтом, В. Архангельским, И. Корнеевым и А. Твердохлебовым.

ными неправительственными правовыми организациями, если они в своей деятельности исходят из принципов Объединенных Наций и не ставят своей целью нанесение ущерба Советскому Союзу.

Международная федерация прав человека основана в Париже в 1922 г. Согласно советскому справочнику, «Международные неправительственные организации», (Москва, 1967), «официальной целью Федерации является пропаганда «принципов справедливости, свободы, равенства и народного суверенитета». И далее:

«Федерация основывает свою деятельность на принципах, провозглашенных французской Декларацией прав человека 1789 г. и Конституцией 1793 г., а также Всеобщей декларацией прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г.

Высшие органы Федерации — конгресс, бюро во главе с президентом, вице-президентом и генеральным секретарем.

Бюджет складывается из взносов членов Федерации и частных пожертвований.

Федерация имеет консультативный статус (категория «В») при ЭКОСОС.**

Официальный язык — французский.

Бюро Федерации находится в Париже».

В настоящее время Президентом федерации является Андре Буоссари, Вице-президентом федерации — Даниэль Майер, Генеральным секретарем — Мишель Блюм.

После того, как в 1971 г. Московский Комитет прав человека был ассоциирован с Международной лигой прав человека и Международным институтом прав человека, «Группа 73» является, насколько известно вторым независимым от правительственного или партийного контроля объединением советских граждан, ассоциированным с международной организацией.

ПРОЦЕСС СУПЕРФИНА

С 12 по 14 мая в г. Орле под председательством Новикова при народных заседателях Лялине и Сергеевой и при адвокате Гуревиче состоялся судебный процесс по обвинению в антисоветской агитации Габриэля Суперфина. Обвинение

** ЭКОСОС — Экономический и Социальный Совет ООН.

поддерживал помощник прокурора Орловской области Штейман.

Суперфину инкриминировалось:

1) подписание письма в защиту А. Гинзбурга, Ю. Галанскова, А. Добровольского и В. Лашковой («Письмо 170-ти»);

2) подготовка к печати и передача на Запад «Дневников» Эдуарда Кузнецова;

3) участие в подготовке, редактировании и распространении «Хроники текущих событий»;

4) передача собственных работ в журнал «Вестник русского христианского студенческого движения»;

5) поправки на макете книги П. Редавея «Неподцензурная Россия»;

6) распространение русского перевода статьи А. Колаковскогго «Тезисы о надежде и безнадежности».

Суперфин не признал себя виновным при том, что признал совершение им инкриминируемых деяний.

Ниже приводятся отрывки из распространенной в самиздате записи судебного разбирательства.

О «Дневниках» Кузнецова:

СУПЕРФИН возражает против характеристики «Дневников» как антисоветского клеветнического пасквиля и характеризует их как «человеческий документ, имеющий литературно-художественную ценность, как дневники человека, приговоренного к высшей мере наказания».

СУДЬЯ:... как дневник человека, приговоренного к определенной мере наказания.

СУПЕРФИН: К высшей...

СУДЬЯ: Каким путем попали «Дневники» Кузнецова на Запад?

СУПЕРФИН: Вероятно, путем человеческого передвижения.

ПРОКУРОР: Так Вы утверждаете, что не Барабанов передал «Дневники» Кузнецова на Запад?

СУПЕРФИН: Нет.

АДВОКАТ: Против Барабанова не возбуждено дело?

СУПЕРФИН: Пока нет.

СУДЬЯ: Почему не предполагал печатать здесь?

СУПЕРФИН: Потому что он осужден, а даже уже вышедшие книги после того, как человек арестован, изымаются из библиотек. Кузнецов — мужественный человек, пожертвовавший собой ради права евреев уезжать в Израиль.

Позднее этот вопрос возник снова:

ПРОКУРОР: Вы знакомы с заявлением Барабанова в «Новом русском слове», где он пишет, что он передавал «Хронику», «Дневники Кузнецова» и...

СУПЕФИН: Я познакомился с этим документом в процессе следствия, но я не уверен в том, что это написал действительно Барабанов. В любом случае он это сделал из альтруистических соображений, так как я ему ничего не передавал, это все сделал я сам.

СУДЬЯ: Каким путем попали «Дневники» Кузнецова на Запад?

СУПЕРФИН: Наверное, путем человеческого передвижения.

ПРОКУРОР: Но вот и Боннэр говорит аналогичные вещи.

СУПЕРФИН: Я не знаю, насколько верно авторство и еще раз повторяю, что все передавал я только сам.

О «Хронике текущих событий»:

ПРОКУРОР: говорит, что «Хроника» печаталась в «Посеве».

СУПЕРФИН: Я в этом издании не читал и не ответственен за то, где она печатается. «Посев» может напечатать журнал «Крокодиль», и от этого он станет антисоветским?

ПРОКУРОР: Но Вы понимаете, что опубликование сведений о недостатках в антисоветской прессе наносит вред советской власти.

СУПЕРФИН: Я считаю, что сами недостатки наносят вред, а не опубликование их.

О «Письме 170-ти»:

СУДЬЯ: (после прочтения письма в защиту Гинзбурга, Галанскова и др.): Со всем ли Вы согласны, что здесь написано?

СУПЕРФИН: Что это значит?

СУДЬЯ: Ну, здесь написано, что не пускали в суд, оскорбляли, адвокату не давали говорить и т.д. Вы это лично видели?

СУПЕРФИН: Да, все это так и было, кое-что я видел лично, что-то мне рассказали друзья. Я не сомневаюсь, что все это было. Да вот и сегодня... (показал в сторону друзей, а потом махнул рукой).

СУДЬЯ: Что сегодня?

СУПЕРФИН: Да ничего. И вообще, поскольку один из заключенных — Галансков — умер тяжелой смертью в лагере, то я не могу отказываться ни от единого слова этого письма.

СУДЬЯ: Но умирают и на воле — и гораздо больше.

СУПЕРФИН: То же самое сказал начальник лагеря. Я не могу с этим согласиться — это не объяснение. Факт остается фактом.

Среди прочего на судебном заседании обсуждались представления Суперфина о взаимодействии научной и общественной деятельности:

СУДЬЯ: Скажите, Суперфин, считаете ли Вы возможным совмещать науку и эту вашу общественную деятельность?

СУПЕРФИН: В 19... году я прочел монографию об академике Вернадском, изданную в 20-х годах. Он принадлежал к партии К/Д, был даже ведущим членом ее, министром временного правительства и сохранил свою независимость при Сталине. И все это совмещал с выдающейся научной деятельностью. Тогда это произвело на меня большое впечатление. И я понял, что ученый

не должен замыкаться на абстрактной науке...

СУДЬЯ: спрашивает, задумывался ли Суперфин на следствии о том, что это не его дело, что его дело — наука.

СУПЕРФИН: отвечает, что он думал об этом до ареста и задолго до ареста прекратил свою деятельность, но сейчас, на суде и следствии, раскаяние — аморально. Это я знаю по следствию. И не за счет других. Раскаяние человека, находящегося в неестественных условиях (под стражей) выглядит неискренним. И потому, что Якир и Красин били себя в грудь на суде, я этого делать не хочу. Кроме того, как я уже сказал, отречься от сделанного — это зачеркнуть большой кусок своей жизни. А не будь этого куска, не было бы и чего-то другого.

СУДЬЯ: Создается впечатление, что Вы мыслите во всемирных масштабах, в общем, что Вы — космополит.

СУПЕРФИН: Нет, я не космополит. В свое время меня ошарашила одна фраза Достоевского, который не был космополит, а наоборот, славянофил. Он сказал: «Правда выше России».

Ранее сообщалось, что Суперфин отказался от показаний, данных на предварительном следствии. На суде он заявил, что за эти показания, оговаривающие других, он ответит не по уголовному кодексу.

От последнего слова Габриэль Суперфин отказался.

Суд приговорил Супердина к 5 годам лишения свободы с последующим отбыванием ссылки в течение 2-х лет.

Ожидают, что в кассационном рассмотрении в Верховном суде РСФСР защиту Суперфина будет вести адвокат Юдович.

В защиту Суперфина выступили Андрей Сахаров и Андрей Твердохлебов:

В Международную лигу прав человека

В Международный комитет защиты прав человека

В Международную Амнистию

Суд в Орле приговорил Габриэля Суперфина, литературоведа и переводчика, к 5 годам заключения и 2 годам ссылки. Обвинение, приведшее к такому суровому приговору, — участие в передаче на Запад тюремного дневника Эдуарда Кузнецова и распространение «Хроники текущих событий».

Оба эти обвинения — плод предвзвешенного, отождествляющего с преступной клеветой распространение нежелательной властям информации. Неужели факты и личные оценки, сообщаемые в тюремном дневнике осужденного на 15 лет заключения Эдуарда Кузнецова, столь секретны, что за предполагаемое участие в их опубликовании следует осуждать людей на заключение в тюрьмы и лагеря — сначала Виктора Хаустова (март 74 года), потом Суперфина (май 74 года)!

В демократическом обществе пороки не скрывают, их пытаются исправлять, и во всяком случае не преследуют за их обнародование. Сказанное относится также к «Хронике текущих событий».

Истинная причина сурового осуждения Суперфина, как мы предполагаем, — его отказ от данных им в первой половине следствия показаний. Мы не знаем, что пришлось ему пережить, человеку очень слабого здоровья, попавшему в руки, способные ради бюрократического успеха на очень многое. Но Суперфин нашел в себе силы противостоять этому давлению, и именно это ему не прощается.

Мы призываем международные организации, прогрессивных и честных людей во всем мире требовать освобождения Габриэля Суперфина во имя справедливости и гуманности.

27 мая 1974 г.

Андрей Сахаров, Андрей Твердохлебов

В письме в газету «Афтенпостен» Александр Солженицын выступил в защиту Суперфина, сказав о нем: «Габриэль Суперфин — физически слабый, изможденный человек, однако с негнбаемым жертвенным духом».

Андрей Твердохлебов в письме государственному обвинителю в суде над Суперфином Штейману сообщил о нарушении в процессе судебного разбирательства статей 19 и 30 УПК РСФСР.

В июне в журнале «Нью-Йорк ревью оф букс» было опубликовано письмо члена Комитета защиты Суперфина профессора Йельского университета Виктора Эрлиха, в котором он сообщает об обращении Комитета защиты Суперфина к Подгорному, а также о характере обвинений и приговора по делу Суперфина.

Член Национальной академии наук США математик Липман Берс, профессор Виктор Эрлих и писатель Роберт Пенн Уоррен направили Подгорному телеграмму в защиту Суперфина.

ОСУЖДЕНИЕ НЕКИПЕЛОВА И ПИРОГОВА

В мае были проведены судебные процессы в г. Владимире и г. Архангельске по обвинению Некипелова и Пирогова в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй. Оба подсудимых приговорены к лишению свободы сроком 2 года.

По поступившим сообщениям, Виктору Некипелову инкриминировались его стихи, и, как можно понять, хранение экземпляра «Хроники текущих событий».

О деле Сергея Пирогова в Самиздате был распространен следующий текст:

ИНФОРМАЦИОННЫЙ МАТЕРИАЛ

22 мая в Архангельске осужден на два года лагерей строгого режима 42-летний экономист Сергей Пирогов, обвиненный в распространении «Хроники текущих событий» и предсмертной записки покончившего с собой Соколова. Содержание этой записки признано судом клеветническим и тенденциозным. К участию в предварительном следствии было привлечено до 200 свидетелей, от Ашхабада до Вильнюса и от Омска до Ленинграда, из них 15 вызывались на суд. Обвинение в распространении «ХТС» не подтверждено ни одним свидетелем и все же перенесено из обвинительного заключения в приговор. В тексте приговора фигурируют в качестве объектов распространения «ХТС» трое свидетелей, один из которых, будучи гражданином ФРГ, не давал вообще никаких показаний, а двое других даже не знают о существовании «ХТС». Предсмертные записки преподавателя философии Вадима Соколова занимают две страницы, написанные накануне самоубийства несчастным человеком, который прожил последние два месяца один в зимней тайге. Криминальными признаны судом фразы о нарушении ленинских принципов и о подмене власти Советов властью партии. В записке содержится просьба о передаче их сыну Соколова. Она была найдена на свалке. Очевидно, прокуратура, расследовавшая дело о самоубийстве, не сочла ее сколько-нибудь заслуживающей внимания. Естественно поэтому желание Пирогова выполнить последнюю волю покойного. Все свидетели показали, что Пирогов не преследовал никакой другой цели. Судебное разбирательство продемонстрировало полную несостоятельность кропотливо в течение 9 месяцев возводившегося обвинения. Не имея возможности опереться на какие-либо данные, обвинитель, например, вызвал для характеристики морального облика друзей Пирогова свидетельницу, которая поверхностно знала лишь одного, шапочного знакомого Пирогова. В то же время показания двух основных свидетелей объявлены необъективными по причине их приятельских отношений с обвиняемым. В результате ничего более определенного, чем «косвенный умысел на распространение», инкриминировать подсудимому обвинитель не смог. Суд учел как отягчающее обстоятельство прежнюю судимость Пирогова и как смягчающее — наличие у него двух малолетних детей. В кратком последнем слове Пирогов не признал себя виновным. Он сказал, что его судят не за преступление, а за инакомыслие, и сделать это тем легче, что он уже однажды прошел через подобный же суд. В 1958 году Пирогов был при-

говорен к 10 годам лагерей по 58 статье УК и помилован после 8 лет заключения. Второй суд снова отнял у Пирогова эти два года свободы. Итого — 10.

Известно следующее заявление в защиту Некипелова и Пирогова:

В Международную лигу прав человека
В Международный комитет защиты прав человека
В Международную Амнистию

Суровые и необоснованные, по нашему мнению, приговоры состоявшихся недавно судов над Сергеем Пироговым и Виктором Некипеловым, осужденными на два года заключения, явились поводом для этого обращения в ваши авторитетные организации по вопросу, имеющему принципиальное значение. Дело Пирогова началось с естественной, гуманной попытки обвиняемого передать случайно попавший в его руки дневник покончившего самоубийством незнакомого ему человека родственникам покойного — обвинение считало, что это распространение клеветы, так как в дневнике писалось об излишней, по мнению автора, роли партии в нашей жизни. В деле Некипелова некоторую роль играли бесцензурные стихи этого поэта. Но главный пафос обвинения в обоих судебных делах заключался в словах — «Хроника текущих событий». И с этим, в особенности, связано наше обращение.

Мы не будем тут акцентировать внимание на фактической стороне дела. На обоих процессах выяснилось, что участие обвиняемых в распространении «Хроники» равно нулю. Неслучайно оба прокурора попросили дополнительное время для составления своих речей, и один из них придумал даже новое юридическое понятие — «косвенный умысел на распространение», а другой ссылаясь на один, найденный при обыске экземпляр «страшного» издания. Нам представляется особенно важной другая сторона дела. Может ли считаться криминальным распространение «Хроники», если оно имело место? За рубежом, как и в нашей стране, широко известно, что «Хроника текущих событий» — это анонимное информационное издание, содержащее сведения о преследованиях за убеждения и распространение информации. В многочисленных приговорах советских судов и в заявлениях представителей официальной точки зрения «Хроника» объявляется клеветнической. Мы же считаем, что содержащаяся в «Хронике» информация соответствует фактам, быть может, за исключением отдельных, случайно вкравшихся неточностей (это же говорил на суде Пирогов), является очень важной, общественно необходимой.

Мы просим авторитетные международные организации аргументированно выступить с публичной оценкой «Хроники». Мы напоминаем о том, что за рубежом опубликованы все номера «Хроники текущих событий». Все опубликованные в советской

печати материалы тоже вполне доступны международным организациям. Опубликованы многочисленные конкретные свидетельства открыто выступающих свидетелей из СССР — диссидентов и иностранных корреспондентов, свидетельства под присягой эмигрантов и другие прямые и косвенные свидетельства. Советские власти с большой суровостью преследуют все действия по распространению и изданию «Хроники». Мы считаем, что характеристика «Хроники» как клеветнической основывается на ложной идентификации с клеветой любой негативной информации о советской действительности. Такая идентификация, с нашей точки зрения, представляет собой весьма вредный пережиток предрассудков эпохи идеологического террора, к сожалению, оказавшийся очень живучим. Официальная идеология нашего государства, вообще говоря, не склонна затушевывать социальные конфликты, но, обращенная на собственное общество эта идеология требует, чтобы вообще не существовало никаких свидетельств социальной напряженности. Нам кажется, что это является существенной причиной трудности реализации разрядки международной напряженности и причиной трагедии для многих советских граждан, реализующих общепризнанные права человека. Совершенно неудовлетворительны и официальные аргументы против «Хроники»: перекрестное цитирование голословных утверждений одного недоступного для проверки и гласности судебного документа в другом, столь же голословном и недоступном документе. Только открытое и аргументированное обсуждение, начало которому вы можете положить, рассеет порочный круг этих предрассудков. Мы убеждены, что «Хроника текущих событий» — это одно из исторически необходимых проявлений нравственной и социальной потребности советского общества, проявление наличия в нем здоровых духовных сил.

28 мая 1974 г.

Андрей Сахаров, Андрей Твердохлебов, Владимир Альбрехт

САХАРОВ В ЗАЩИТУ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ

А. Сахаров опубликовал следующее обращение:

**ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС Л. И. БРЕЖНЕВ,
ПРЕЗИДЕНТ США Р. НИКСОН,**

вы встречаетесь, чтобы обсудить многие важные для двух великих стран и для всего мира политические дела. Я призываю вас во время вашей встречи уделить внимание также проблемам гуманности и основных прав человека. Эти проблемы не являются по-

литическими, но их решение в огромной мере способствовало бы международному доверию и разрядке.

Способствуйте взаимной осведомленности граждан наших стран, гласности, свободе религии и мысли в духе Всеобщей декларации прав человека, в частности, ее 19-й статьи! Способствуйте освобождению политзаключенных, прекращению преследований за убеждения и распространение информации, за религиозные убеждения, за попытку покинуть страну!

Способствуйте немедленному освобождению таких светлых и мужественных людей, как Буковский (волнующее письмо матери этого благородного человека, подвергаемого жестоким несправедливостям, вы, наверное, получили), Григоренко, Плющ, Мороз, Глузман, Любарский К., Кудирка, Убожко, Джемилев, Акимов, Болонкин, Хаустов, Шумук, Шухевич, Фельдман, Гаврилов, Пономарев, Надежда и Иван Светличные, жена и муж Строкатая и Караванский, жена и муж Сильва Залмансон и Кузнецов, жена и муж Ирина Калынец-Стасив и Калынец, Стефания Шабатура, Ирина Сеник, Дарья Гусак, братья Вульф и Израиль Залмансон, священник Романюк, священник Заливако, Чиннов, Красивский, Лупынос, Черновол, Дремлюга, Макаров, Рушкенас, Симулис, Рудайтис, Повилонис, Сакаускас, Шахвердян, Романов А., Абанькин, Тишинас, Ханцис, Бабич, Сусленский, Садо, Огурцов, Фролов, Попадюк, Сверстюк, Вахман, Могилевер, Школьник, Альтман, Федоров, Мурженко, Менделевич, Дымшиц, Хнох, Бутман, Комаров, Азерников, Данильчук, Макаренко, Шнарр, Ладыженский, Пенсон, Пирогов, Некипелов, Суперфин, Старчик, Дандарон, Монтелевич, Буткус, Лавров, Вайль, Амальрик, Хейфец! Список этот далеко не полон, потому что многих я не знаю. Каждое имя тут — трудная и героическая судьба. Эти люди не занимались политической деятельностью, не подрывали государственных устоев. С полным правом их можно назвать узниками совести, жертвами несправедливости и трагических обстоятельств.

Я перечисляю тут советских узников, это не значит, что я считаю, что несправедливости творятся только в моей стране, просто я пишу то, о чем более осведомлен. Сделайте, что в ваших силах, хотя бы для некоторых — жепщин, старых и больных, осужденных повторно — таких суды карают особенно несправедливо. Способствуйте немедленному освобождению всех, находящихся в заключении больше установленного законом 15-летнего срока! Способствуйте международному контролю над местами заключения во всех странах, ведь именно там чаще всего нарушаются права человека и гуманность!

Ничто так не опасно для человечества, как замалчиваемое, скрываемое зло и насилие.

Способствуйте кардинальному и окончательному решению в демократическом духе проблемы свободы передвижения, свободы эмиграции и возвращения так, как это диктуется 13-й статьей

Всеобщей декларации прав человека! Полное осуществление этого права очень существенно для международного доверия и понимания, для выравнивания экономических, социальных и правовых стандартов. Если вы уклонитесь от задач гуманности, вы лишите ваши начинания живой духовной силы, обречете их на бесплодность и не добьетесь осуществления высоких целей мира и безопасности. Я хочу верить, что вы этого не хотите.

С глубоким уважением

Андрей Сахаров, академик

28 июня в поддержку своих требований обратить внимание на судьбу политзаключенных и, в частности, с целью обратить внимание на судьбу политзаключенного Владимира Буковского Сахаров объявил голодовку.

ДЕЛО ХЕЙФЕЦА

Ранее сообщалось («Хроника защиты» 7), что в Ленинграде арестован литератор Михаил Рувимович Хейфец (род. 1934 г.).

По поступившим сведениям, основанием к аресту (22 апреля) послужило изъятие на обыске у Хейфеца наброска статьи, посвященной творчеству Иосифа Бродского.

Есть сведения, что в Ленинграде продолжают допросы по этому делу.

В связи с арестом Михаила Хейфеца ленинградский писатель Марамзин, который также недавно подвергся обыскам и допросам, опубликовал следующее заявление:

У меня есть смутное ощущение вины, которое коренится, вероятно, в исконном для нас отсутствии правосознания. Мой друг, ленинградский писатель и историк Михаил Хейфец, уже более месяца находится в следственной тюрьме. По дошедшим до нас отголоскам, он арестован за издание в Самиздате пятитомника Иосифа Бродского и за свою статью о его стихах. Следовательно прекрасно знает, что Самиздат — не издательство, знает он также, что Хейфец непричастен к собиранию стихов Бродского.

Всем известно, что в течение 3 лет стихи собирал я, потому что Бродский, как всякий большой мастер, никогда не хранил щедро раздаривал свои стихи. Я хотел собрать их, чтобы сохранить для русской культуры все, что сделано этим великим поэтом. Те люди, которые сейчас причастны к гонениям на Бродского, еще

при своей жизни будут им гордиться. Я же предпринял и еще один шаг, чтобы сохранить с таким трудом собранные тексты — отправил их за границу, где сейчас живет и автор. Может быть, это кому-то не понравится, но мною двигала лишь забота о русской культуре.

Я вовсе не герой. Но не был героем и мой дед, деревенский священник, который почему-то не сложил сана и предпочел в 1931 году умереть в Соловках. Вероятно, не был героем и мой отец, рабочий, еврей, ушедший добровольцем на фронт и убитый в 1942 году под Ленинградом. Приходит время каждому сделать что-то свое. При обыске 1 апреля у меня были отняты все мои рукописи. Не мне судить, хороши они или нет, но я уверен, что все, написанное нами, не случайно, и писатель имеет обязательство перед своими рукописями. Поэтому я собрал их вновь (люди сохранили) и вновь послал за рубеж. Если какие-либо издательства или журналы заинтересуются моими рассказами или повестями, пусть знают — мое согласие на печатание теперь вполне обдуманно.

И последнее. У арестованного Михаила Хейфеца — двое маленьких детей, оставшихся без всяких средств. Любая помощь, любое доброе слово полезно сейчас ему и его семье. Имя Хейфеца не слишком известно широкому читателю, хотя он напечатал две книги — историческое исследование и роман о народных законах, не считая многих публикаций. [Неслучайно], если станет законом, [что] известность писателя начинается с момента суда над ним.

Михаил Рубинович Хейфец живет в Ленинграде, Новороссийская улица, д. 22, кв. 45. Его жена — Глаголева Раиса Владимировна, дочери — Наташа, 7 лет, и Оля, 5 лет, проживают по этому же адресу.

30 мая 1974 года.

Владимир Марамзин

ДОКУМЕНТЫ ПО ДЕЛУ ЭТКИНДА

Запись заседания ученого совета Ленинградского Педагогического института им. Герцена 25 апреля 1974 г. *

Присутствуют члены Ученого совета, большое число посторонних лиц, корреспонденты, секретарь Горкома партии Б. С. Андреев. Сам проф. Е. Г. Эткинд на заседании не присутствует; он представил в ректорат официальный врачебный документ, свидетельствующий о том, что у него приступ стенокардии и что ему предписан постельный режим. Несмотря на болезнь проф. Эткинда, заседание Ученого совета состоялось.

* Запись публикуется в том виде, как она была распространена в Самиздате.

Заседание открывает ректор Института А. Д. Боборыкин. Ученый совет, говорит он, не впервые занимается обсуждением проф. Эткинда. В 1968 г. он рассматривал политическую ошибку, допущенную им во вступительной статье к двухтомнику «Мастера русского стихотворного перевода», где, как известно, говорил: «Лишенные возможности выразить себя до конца в оригинальном творчестве, русские поэты — особенно между XVII и XX съездами, — разговаривали с читателем языком Гете, Шекспира, Орбелиани, Гюго».

Тогда Ученый совет принял серьезное решение, предостерег проф. Эткинда. Но проф. Эткинд и не думал менять своих воззрений — он поддерживал тесные отношения с Солженицыным, принимал участие в создании и распространении Самиздата, составил воззвание к молодым евреям, уезжающим в Израиль.

Ректор предлагает Совету обсудить вопрос о снятии Эткинда с должности профессора Института и ставит на голосование это предложение; оно принято единогласно. После этого ректор сообщает:

«На заседании Совета проф. Эткинд отсутствует. 23 апреля состоялась моя беседа с ним. На другой день, 24 апреля, ко мне пришла его жена и вручила мне конверт, содержащий письмо ко мне и письмо членам Совета. Последнее будет зачитано на заседании».

Затем ректор переходит к характеристике деятельности проф. Эткинда и зачитывает Справку из КГБ.

Справка КГБ (сжатая запись)

В поле зрения КГБ Эткинд попал в 1969 году; он более 10 лет знаком с Солженицыным, встречался с ним, оказывал ему практическую помощь, хранил у себя клеветнические произведения, рукопись «Архипелага ГУЛаг». Через Солженицына был знаком с Воронянской, машинисткой, печатавшей его рукописи, и поддерживал с ней хорошие отношения. На допросе Воронянская показала: «Солженицын приехал в Ленинград в 1971 году; два экземпляра рукописи «АГ» он передал Эткинду, и далее Эткинд лично привез два экземпляра ко мне домой». Факт хранения рукописи «АГ» Эткиндом подтверждает Самутин, бывший власовец: «Несколько раз в 1971-1972 гг. Воронянская упоминала о письмах, которые отправляла и получала через Эткинда или жену во время поездок в Москву». Летом 1970 г. Воронянская проживала на даче Эткинда.

Другие факты, характеризующие деятельность Эткинда. В начале апреля с. г. управление ГБ возбудило уголовное дело по распространению антисоветских клеветнических документов. Состоялись обыски у Марамзина и Хейфеца, членов профгруппы Литфонда, которыми был издан в Самиздате пятитомник стихов И. Бродского; у Хейфеца было обнаружено написанное им предисловие к этому пятитомнику, в котором автор клеветает на внутрен-

ую и внешнюю политику КПСС («После оккупации Чехословакии Советское государство превратилось в полуколониальную державу...» и т. п.). Была изъята также рецензия Эткинда на это предисловие, в которой содержится положительный отзыв о политической стороне предисловия. Будучи допрошенным, Эткинд показал, что является автором этой рецензии и что он никогда не скрывал своего отношения к событиям в Чехословакии. Хейфец показал, что Эткинд поддерживал близкие отношения с И. Бродским, демонстрировал свою привязанность к нему. Эткинд старался внушить писателям и начинающим литераторам свой взгляд на право таланта выбирать образ жизни.

В марте 1964 г. поведение Эткинда на суде над Бродским обсуждалось на заседании секретариата Союза писателей, но Эткинд и там не признал вредности своих взглядов.

О вредной деятельности Эткинда свидетельствует также его «Письмо к молодым евреям, стремящимся в эмиграцию»; там содержатся призывы к евреям не уезжать в другую страну, а бороться за свою свободу и гражданские права здесь.

Кроме того установлено, что Эткинд использует свое общественное положение для протаскивания в своих работах взглядов, враждебных советскому строю. Так было во вступительной статье к двухтомнику «Библиотека поэта» в 1968 г., получившей справедливую оценку общественности (цитата из заседания бюро Обкома). Однако Эткинд продолжал публиковать вредные книги. Вот как их оценивают видные советские ученые.

Доктор филолог. наук проф. П. С. Выходцев: «Взгляды Эткинда на поэзию мне глубоко чужды и никак не соотносятся с марксистско-ленинскими принципами».

Кандидат филол. наук писательница Е. Серебровская (о книге «Разговор о стихах»): «У Эткинда нет классовости, нет слов «Родина», «патриотизм», нет идеологической оценки поэзии».

Писатель А. Н. Чепуров пишет о политической вредности таких работ Эткинда, как статья «Пауль Винс — переводчик советской поэзии» в сборнике «Мастерство перевода» и как книга о Брехте. Неверные положения книги о Брехте критиковал также А. Дымшиц в рецензии в «Литературной России».

В 1949 году за методологические ошибки в кандидатской диссертации Эткинд был уволен из Ленинградского института иностранных языков, после чего он поступил в Тульский педагогический институт. В 1968 г. допустил политические ошибки во вступительной статье к «Мастерам русского стихотворного перевода».

В 1973-74 гг. были осуществлены различные мероприятия в отношении Солженицына и его круга. Однако никаких выводов Эткинд для себя не сделал. Эткинд сознательно на протяжении долгого времени проводил идеологически вредную и враждебную деятельность. Он действовал как политический двурушник».

Из зала голоса: просят прочесть письмо Эткинда. Оно оглашается:

Уважаемые члены Ученого Совета,
к сожалению, приступ сердечной болезни помешал мне присутствовать на заседании Совета, когда будет рассматриваться мое дело. Прошу участников заседания выслушать следующее заявление, которое я сделал бы сам, если бы имел возможность выступить.

1. В Институте им. Герцена я преподаю 23 года. Иначе говоря, почти вся моя жизнь прошла в его стенах; здесь работают многолетние мои коллеги, ученики, ставшие сотрудниками. Герценовский институт стал для меня вторым домом. Хочу выразить ему глубокую благодарность и сказать, что если мне удалось что-то сделать в науке, то в большой мере я этим обязан Институту им. Герцена.

2. Я мог бы многое сказать в свое оправдание. В настоящем же заявлении полагаю необходимым сослаться лишь на то, что в течение моей четвертьвековой работы в институте я сделал все, что было в моих силах, стремясь внушить моим слушателям любовь к поэтическому слову, интерес к гуманитарной науке, уважение к подлинным ценностям культуры. В лекционном курсе по теории и истории перевода, который я вел много лет, я неизменно проводил мысль о важности взаимопроникновения культур и их взаимообогащения за счет друг друга, о переводе, как практическом осуществлении интернационализма в области науки и художественной литературы. Едва ли найдется среди моих собратьев, аспирантов или слушателей хоть один, кто бросит мне упрек в том, что в течение этих 23-х лет я недобросовестно или с вялым равнодушием исполнял свои обязанности, или что учил своих учеников не тому, чему их следовало учить. Создание выполненного долга позволяет мне испытывать хотя бы некоторое удовлетворение.

Разумеется, это удовлетворение омрачено событиями последнего времени, послужившими поводом для настоящего обсуждения. Мне остается смириться с решениями, которые примет заседание Ученого Совета, — решениями, которые я, быть может, предвосхищаю, подавая заявление об уходе из Института. Прошу, однако, иметь в виду, что магистральная линия моего поведения определяется не двумя или тремя неудачными фразами, написанными в частных письмах и по частному поводу — инкриминируемые мне высказывания извлечены именно из документов подобного рода. В октябре прошлого года я был избран в члены Пен-клуба («за выдающиеся заслуги в области перевода поэтических произведений немецкой литературы и за труды в области германистики»), но официальным письмом и телеграммой отказался от этой чести, заявив, что считаю безнравственным нести ответственность за решения и декларации, которые приняты без моего участия и согласия. Я не мог поступить иначе, потому что судьба моя — здесь. 24 апреля 1974».

Голос: «Иезуитское письмо!»

Выступления членов Совета.

Галина Ивановна Щукина (проф., зав. кафедры педагогики).
Сожалею, что Э. здесь нет, что нельзя ему задать вопросы: выполнял ли он добросовестно свой долг или делал все возможное, чтобы расшатать здание подготовки специалистов, воспитателей, учителей. Я бы спросила: каков его статус в советском обществе? Чью философию он исповедует? Какую идеологию он защищает? Почему он поддерживает активные связи с людьми, порвавшими с нашим обществом? Материал, который нам зачитали, сам за себя говорит. Эткинд — двурушник, и более того (голос: «Он антисоветчик!»). Совершенно верно. И никакого долга перед наукой он добросовестно не выполнял. Сейчас все совершенно ясно. Человек подрывает основы нашего строя — и еще пытается сказать о том, что добросовестно выполняет свой долг. Он боролся за антисоциалистические, за антисоветские утверждения относительно нравственности (?). Он разлагал молодежь, призывал ее к борьбе — с каким строем? Со строем, который вскормил и воспитал... (и т. д.). Нет никаких сомнений, что Эткинду не место не только в рядах преподавателей нашего института, но и вообще среди преподавателей нашей молодежи.

Б. Д. Парыгин (зав. кафедрой философии). Очевидно, Эткинд не родился таким, но его эволюция закономерна. От этой позиции недалеко до другой — до идеологической диверсии. Это несовместимо с пребыванием Эткинда в нашем институте.

А. И. Домашнев (декан факультета иностранных языков, профессор, зав. кафедрой германской филологии).

Эткинд работал на ф-те иностранных языков... Я сознательно употребил слова «работал». Я все-таки думаю, что Э. — антисоветский отщепенец и двурушник. Он не в открытую заявлял о своей антисоветской платформе. Он не уехал в Израиль, а проводил свою политику более тонко. Такая скрытая позиция позволяла ему долго оставаться в наших рядах. Сохраняя внешнюю пристойность, он длительное время проводил эту свою линию. Сейчас надо не долго говорить, а дать оценку. Не место таким, как Эткинд в советском коллективе преподавателей. Он должен быть изгнан из института и лишен ученого звания и степени, которые тоже получил в нашем институте.

Андрей Иванович Зотов (?). Документы, которые были оглашены, говорят о враждебной деятельности Эткинда. В своем письме он показывает, что его деятельность остается и сейчас (!?); он прибегает и тут ко лжи. Он не только был, но и остается враждебным нашей идеологии, нашему строю. Ему нет места среди наших советских ученых, как недостойно быть не только доктора наук, но и профессора Советского Союза (!!).

А. Мерзон (преподавательница философии). Этот случай должен показать, что нельзя быть двуликим Янусом и сидеть между

двух стульев. Сейчас каждый момент нашей деятельности требует особой ответственности. Мы знаем, как критиковал Ленин национализм; то, что мы сегодня слышали, это выражение вывернутого наизнанку еврейского национализма (!). Отступление от нашей идеологии, может быть, сначала и не столь значительные, приводят в конце концов к полному крушению.

Павел Львович Иванов (проф. кафедры философии). У меня нет ни одного вопроса к Эткинду. Документы свидетельствуют, что среди нас работал идеологический диверсант, внутренний Солженицын. Он калибром меньше, но по роли в международной реакции они равны между собой. У Эткинда нет двух стульев: он сидит в одном кресле, кресле Солженицына. Надо от него освободиться и сегодня же выдать ему документы.

Проф. Кульба (зав. кафедрой неорганической химии). «Скажи мне, кто твой друг...». Речь идет не об ошибках, а о планомерной, целеустремленной вражеской диверсионной деятельности среди наших советских людей. Эткинду надо было бы порекомендовать отправляться за С., — пусть там творит и делает, что хочет.

Исаак Станиславович Эвентов (проф. кафедры сов. литературы). Я почти не соприкасался с Эткиндом. Из его письма видно, что он не понимает, что такое советский педагог (в зале шум: «Понимает!»). Он не учитывал того, что педагог — этот духовный воспитатель. Он стал духовным отцом для тех проходимцев, молодых антисоветчиков, распространителей самиздата. Эти энергичные, но молодые подпольщики — Хейфец и Марамзин — смотрели на Эткинда. Им нужно было благословение человека, который пользуется в обществе каким-то положением. Он был в известной степени знаменем (!) какой-то части молодых, которых тов. Брежнев назвал сорняками. Такому человеку, как Эткинд, не место среди сов. педагогов.

Вопрос с места. А в Союзе писателей как он работал?

И. С. Эвентов. Мы в разных секциях. Знаю только его труды и согласен с их оценкой.

Раймонд Генрихович Пиотровский (проф., зав. кафедрой французского языка). Я думаю, что сердцевина вопроса совершенно ясна. От имени тех членов кафедры, которые познакомились с документами, я считаю (!), что идеологическому диверсанту Эткинду не место в наших рядах. Если нужно, кафедра это обсудит. Возникают сложные организационные вопросы: Эткинд читал курсы французской литературы. К сожалению, эти лекции читались не под контролем кафедры зарубежной литературы. Нам совместно с этой кафедрой нужно будет серьезно разобраться в продукции Эткинда и скорректировать ее — на будущее (недоумение в зале). Нужно вообще обсудить вопрос о чтении этого курса.

Александр Израилевич Райх (?). Бесспорно, что мы все несем ответственность за все, что произошло. Бесспорно, что это по-

ведение сохраняется и в том, что Эткинд просил зачитать его письмо в конце заседания. Я полностью поддерживаю... (и т. д.).

Л. Манизер (?) (зав. кафедрой биологии). Хочу как советский гражданин и член партии выступить с оценкой поведения Эткинда (!). Всей своей деятельностью я обязан институту Герцена, у нас атмосферы для процветания двурушничества нет и быть не может!

Юрий Вячеславович Кожухов (профессор истории СССР, член-корр. Академии Педагогич. наук, проректор по научной работе). Вопросы Эткинду я бы тоже не задавал. Двойственности тут нет, — это тактика врага. Он на своей позиции стоит давно и твердо, начиная с 1949 года, и кончая 70-ми годами, когда эволюция неизбежно столкнула его с такими подонками, как Солженицын, Хайфец, Бродский и др. Наш институт проводил определенное профилактическое мероприятие: в этом же зале Ученый совет осудил в 1968 году поведение Эткинда, но действия это не возымело.

И беда наша и вина в том, что за 23 года работы Эвентова (!) в нашем институте (смех в зале), простите, Эткинда, мы его не распознали.

Он в письме пишет, что толковал своим слушателям о том-то (цитирует письмо Эткинда), но не пишет, что старался воспитать коммунистическую убежденность. Но как мы-то это допустили? Мы ему создавали Зеленую улицу. Он руководил аспирантами, ездил по городам и весям и оппонировал, и издавал и редактировал ученые труды, читал ответственные курсы. Значит мы плохо координируем наш учебный процесс, плохо знаем наших людей. Я согласен с двумя предложениями: на пушечный выстрел Эткинда к студенческой аудитории подпускать нельзя. И на основании новой инструкции ВАК'а мы имеем права лишить Э. ученого звания профессора. (Читает параграф о возбуждении ходатайства перед ВАКом). И звания мы можем лишить его сегодня же. Что касается ученой степени, то вопрос должен решать ученый совет, присваивавший эту степень.

Оратор из президиума (?)... Сегодня стыдно говорить: запятнано слово «герценовец», которое означало — «воспитатель гражданской и политической зрелости». Эткинд эту негативную сторону блестяще проводил в течение 23 лет работы в институте. Основное оружие — убежденность самого воспитателя; студенты воспринимают позицию учителя. Как факультет мог оценивать лекции Э. блестящими? На своих занятиях он именно проводил свою враждебную позицию.

Давайте посмотрим на самих себя. Надо оценивать не количество научных трудов, а политическую и гражданскую зрелость человека. Наша литературная общественность очень плохо знала его труды.

Два часа назад состоялось совместное заседание парткома и

месткома. Они приняли решение просить ученый совет о лишении звания и освобождения от работы в институте Эткинда.

Ректор. Желаящих выступить еще много, но вопрос уже ясен. Дана правильная оценка, правильно расставлены акценты.

Избирается счетная комиссия: Иванов (предс.), Домашнев, Волкова. 2 бюллетеня:

1) об освобождении от должности

2) ходатайствовать перед ВАКом о лишении звания профессора.

Результаты голосования по обоим бюллетеням — принято единогласно (57 голосов — за).

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ

25 апреля Ученый совет Ленинградского педагогического института им. Герцена освободил меня от работы в Институте, где я преподавал 23 года, и лишил ученого звания профессора. В тот же день состоялось заседание ленинградского секретариата Союза писателей, и я был исключен из Союза, в котором состоял около 20 лет. Все это происходило в мое отсутствие, — я болел. Зато в обоих заседаниях принимали участие представители КГБ. На Ученом совете был оглашен документ, озаглавленный «Справка», в котором перечислялись мои «преступления» перед советским государством. Это список вырванных из контекста произвольно истолкованных отдельных фраз или иных ничем не мотивированных обвинений; он содержит, например, упоминание о моих «методологических ошибках» 1949 года, — когда у нас теория относительности и кибернетика объявлялись идеологическим бредом, а Т. Д. Лысенко и его ученики рекомендовали выращивать дуб на вязе.

В «Справке» упоминается о том, что в 1964 году я выступал свидетелем защиты по делу И. Бродского и не раскаялся в этом. Глухо говорится, будто бы у меня хранилась рукопись А. Солженицына «Архипелаг ГУЛаг» — последнее обвинение основано на сбивчивых показаниях машинистки Е. Д. Воронянской. Как уже известно мировой общественности, эта семидесятилетняя женщина покончила с собой после нескольких допросов в августе 1973 года.

Другие обвинения столь же мало мотивированы: они подкреплены ссылкой, например, на неизвестного мне бывшего власовца, которому якобы что-то говорила про меня та же Воронянская. В конечном счете все обвинения сводятся к тому, что я лично был знаком с Иосифом Бродским и Александром Солженицыным, встречался с ними и даже, как сказано в «Справке», «оказывал практическую помощь».

Этих обвинений оказалось достаточно, чтобы сделать вывод, сформулированный в той же «Справке»: «Эткинд сознательно на протяжении долгого времени проводил идеологически вредную и враждебную деятельность. Он действовал как политический двурушник». А вывода этого было достаточно для профессоров

Института, являющихся членами Совета, и для секретарей Союза писателей, чтобы подвергнуть меня гражданской казни.

Ни один из них не поинтересовался моей реальной биографией, ничуть не похожей на тот перечень прегрешений, который содержится в «Справке». Я ведь не только делал «методологические ошибки», но и, скажем: воевал четыре года. Это при совершении обряда гражданской казни не учитывается. Что же влечет за собой такая казнь? А вот что:

Будучи уволен из Института, я лишен возможности преподавать; будучи исключен из Союза писателей, я не имею возможности публиковать мои работы. Запрет распространяется даже на мое имя. На основании ряда бессодержательных обвинений начисто стирается моя многолетняя научная и литературная работа, а я сам и моя семья фактически лишаемся средств к существованию.

Да, я знаком с А. Солженицыным. Да, я выступал свидетелем по делу Иосифа Бродского и по мере сил помогал молодому поэту публиковать переводы, которые давали ему кусок хлеба. Да, я писал книги и статьи, в которых пытался высказывать собственные взгляды на французскую литературу, русский стих, немецкую драматургию. Все это я делал в твердой убежденности, что способствую росту отечественной культуры, во имя которой живу. Занимаясь теорией и историей художественного перевода, я был твердо уверен, что способствую дружбе между народами, говорящими на русском, французском и немецком языках.

В «Справке» все мои сочинения названы «вредными», «вражескими». Однако, десятки критиков и сотни читателей с одобрением и благодарностью отзывались о таких моих книгах, как «Поэзия и перевод» (1963), «Об искусстве быть читателем» (1964), «Семинарий по французской стилистике» (1965), «Французские стихи в переводе русских поэтов» (1969 и 1973), «Разговор о стихах» (1970), «Бертольд Брехт» (1971), «Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина» (1973).

И вот оказалось достаточно двух-трех фраз из частных писем и записок, фраз, не ставших достоянием гласности, чтобы зачеркнуть все написанные мною книги, и другие, возможные будущие книги, и чтобы лишить ученого и литератора возможности разговаривать со студентами и читателями, обречь его на немоту, на гражданскую смерть.

Мое поколение хорошо помнит собрания 1949 года: в ту пору из университетов выгоняли лучших профессоров, наших учителей, а из литературы — лучших писателей. Я не сравниваю себя с ними. Но мое поколение до смертного часа не забудет кровавого единодушия, с которым ораторы на таких собраниях клеймили Жирмунского, Эйхенбаума, Азадовского, Гуковского, и требовали их немедленного устранения из ленинградского Университета.

Прошло ровно четверть века. Правда восторжествовала. Издаются и переиздаются книги настоящих ученых, некогда гонимых

и даже уничтоженных физически, а писания хулителей преданы забвению, их имена окружены презрением. Казалось бы, возродить 1949 год невозможно...

Увы, не только возможно, но и куда как просто! Профессора, писатели, поэты знают своего коллегу по многу лет, но им сказали, что их коллега государственный преступник — и они торопятся верить. Ведь не поверивший — сам преступник. Им говорят, что он совершал «методологические ошибки» в 1949 году — и они не вдумываются в то, какой абсурд им сказали: они не слышат даты «1949», а только привычно-пугающие слова об ошибках, и соглашаются казнить. Им говорят, что их коллега «использовал свое общественное положение для протаскивания в своих работах взглядов, враждебных советскому строю» (это из «Справки») — и они забывают об этом, и соглашаются казнить. И казнь эту совершают единогласно. Единогласие было необходимым условием процедуры и в ту давнюю пору.

А ведь за четверть века, казалось бы, должна была вырасти новая общественность, должно было воспитаться в людях гражданское самосознание. Возможно ли, что нас так легко отбросить на 25 лет назад?

Возможно ли, что люди не накапливают исторический опыт? Что их ничему не научил хотя бы «Новый мир»? Что они забыли о стихах Твардовского, о покаянных статьях Симонова, о самоубийстве Фадеева, о возрождении из праха Булгакова, Бабеля, Мандельштама, Ахматовой и мн. других? Возможно ли сегодня, в 1974 году, пользоваться доводами той поры и, вызывая общее одобрение, ссылаться на 1949 год?

Нет, я верю в прогресс, в новую общественность, в рост гражданского самосознания. Я верю в то, что отбросить нашу страну на 25 лет назад не удастся никому. И еще я верю в демократические силы современного мира.

Е. Эткинд

3 мая 74 г.

Ленинград, ул. Александра Невского 6, кв. 17.

ЗАЯВЛЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ГИНЗБУРГА

Бывший политзаключенный Александр Гинзбург (см. о нем также «Хроника защиты» 8) сделал следующее заявление в связи с установлением над ним административного надзора:

Прокурору Калужской области
Генеральному прокурору СССР
Комитету прав человека

11 апреля сего года в Тарусском РОВД мне объявили об уста-

новлении надо мной административного надзора. Постановление подписано начальником РОВД майором Володиным и санкционировано районным прокурором Юлиным.

Надзор мне назначен в нарушение ст. 1 пункт В и ст. 6 пункт Б Положения об административном надзоре, предусматривающим, что лица, в отношении которых может быть применен надзор, «систематически нарушают общественный порядок и правила социалистического общежития и, несмотря на предупреждения органов милиции, продолжают вести антиобщественный образ жизни».

Любая непредвзятая проверка легко выяснит, что никаких «систематических нарушений порядка и правил» с моей стороны не было и что органами милиции не отмечено (и не могло быть отмечено) не одного факта нарушения мною закона, а милицейским предупреждениям я следовал неукоснительно.

Поэтому надзор надо мною — попросту незаконен. Кроме того, наложенные на меня ограничения в противоречии с последним абзацем ст. [3] Положения об административном надзоре практически лишают меня семейной жизни, препятствуют моей работе, создают угрозу моему здоровью.

Я уже не говорю о том, что надзор мешает моему участию в общественной жизни, т.к. местные представители власти не скрывают, что ради этого он и установлен.

Обращая ваше внимание на этот факт произвола, надеюсь, что надзор будет с меня снят безотлагательно.

16 апреля 1974 г.

А. Гинзбург

ОТСТРАНЕН ОТЕЦ ДМИТРИЙ ДУДКО

Известный в Москве священник Дмитрий Дудко отстранен от пастырской деятельности в церкви Святителя Николая, в которой он служил 15 лет.

Как можно понять, отстранение произведено распоряжением церковных властей при участии, однако, представителей светской власти. В качестве причины отстранения отца Дмитрия указывают на то, что он имел обыкновение по окончании церковной службы беседовать с прихожанами и отвечать на их вопросы.

Известно следующее заявление в защиту отца Дмитрия:

Его Святейшеству Патриарху московскому и всея Руси Пимену от прихожан Никольского Храма на Преображенском кладбище

ПРОШЕНИЕ

Мы, прихожане Никольского Храма, глубоко взволнованы тем, что наш любимый священник Отец Дмитрий Дудко больше не служит. Отец Дмитрий прекрасный пастырь, глубоко верующий человек, образец для всех других священников. Он не сделал ничего плохого, а лишь проповедывал слово Божее. Мы просим Вас вернуть его нам. Правьте право, слово истины. Не закрывайте уста проповеднику. Всем надо будет дать ответ Богу.

17 мая 1974 года.

Согласно сообщениям западной прессы, в защиту отца Дмитрия выступил также член-корреспондент Академии Наук СССР, математик Игорь Шафаревич и церковный писатель Анатолий Краснов-Левитин.

Известно, что ранее в 1972 г. на квартире Дудко был произведен обыск, после чего уполномоченный по делам русской Церкви предлагал старосте прихода церкви Святителя Николая расторгнуть договор с отцом Дмитрием. Однако тогда намерение отстранить отца Дмитрия не было реализовано.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

По сообщениям из Москвы, в Эстонии готовится процесс над 4-мя активистами немецкого движения за выезд в ФРГ. Друзья подсудимых испытывают трудности в подыскании адвокатов для этого процесса, так как руководство московской коллегии адвокатов обычно запрещает московским адвокатам выезжать в другие города для ведения защиты в политических процессах; в Эстонии же не удалось найти подходящих адвокатов. Фамилии подсудимых: Фаст, Шульц, Бергман, Ольденбургер.

■ Фридрих Давыдович Шнарр, немец, желавший выехать с семьей в ФРГ, приговорен в г. Джамбуле Казахской ССР к 2 годам лишения свободы по обвинению в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй.

В защиту Шнарра выступили А. Сахаров, Г. Подъяпольский, Ф. Руппель, Л. Бауер, А. Зейферт. Авторы указывают, что во время предварительного заключения Шнарр подвер-

гался избияниям уголовников и об этом было известно следователю.

■ В начале июня подвергся обыску Юрий Гастев, московский математик, который в сталинское время был репрессирован.

■ По сообщению «Таймс» (Лондон, 7 июня), в Армении в декабре осуждены к лишению свободы Баграт Шахвердян — к 5 годам и Арат Товмасын — к 3,5 годам. Ранее сообщалось, что они обвиняются в антисоветской агитации и это обвинение связано с их национальной активностью.

■ Стало известно, что политзаключенный мордовского лагеря астроном Кронид Любарский и двое других заключенных держали голодовку, протестуя против нарушения администрацией права заключенных на переписку. (О Любарском — см. «Хроника защиты» 7).

■ В мае Владимир Буковский был переведен во Владимирскую тюрьму из Пермского лагеря. Согласно поступившим сообщениям, Буковский находится в весьма болезненном состоянии. Его мать, Нина Ивановна Буковская, неоднократно обращалась к советской администрации, а также к западным политическим деятелям с призывом содействовать прекращению притеснений ее сына. В своих письмах Н. И. Буковская выражает беспокойство за жизнь сына.

Известно, что право Буковского на переписку и на свидания систематически нарушалось лагерной администрацией.

■ Бывший политзаключенный Владимир Осипов обратился в организацию «Международная амнистия» с призывом выступить в защиту советского политзаключенного Игоря Огурцова.

По сообщению Осипова, Огурцов отбыл 7 лет тюремного заключения согласно приговору и 1 марта 1974 года прибыл в один из лагерей пермской области. Через месяц после этого Огурцов был переведен из лагеря в «тюремный изолятор», судя по заявлению администрации, для направления на психиатрическую экспертизу.

■ Револют Пименов, арестованный 4 года тому назад и осужденный к 5 годам ссылки по ст. 190¹ УК РСФСР, освобожден по концу срока.

■ Сообщают, что политзаключенный Болонкин (см. «Хроника защиты» 5-6) доставлен для отбывания наказания в мордовский лагерный пункт 19.

■ В отношении бывшего политзаключенного Анатолия Марченко (прож. Таруса, Калужской обл.) установлен административный надзор.

■ Политзаключенный Владимир Гершуни переведен из Орловской специальной психиатрической больницы в общую психиатрическую больницу.

■ Согласно последним сообщениям, Леонида Плюща, находящегося в заключении в Днепропетровской специальной психиатрической больнице, подвергают инсулинотерапии с целью, как можно судить, вызвать инсулиновый шок.

В мае и июне продолжались выступления западных математиков в защиту Плюща и Шихановича (см. также «Хроника защиты» 7, 8).

■ По сообщениям американской прессы, Соединенные Штаты признали американское гражданство проживающей в Литве Марии Сулсьене, матери литовского моряка Симаса Кудирки, который в 1970 году в территориальных водах Соединенных Штатов прыгнул с советского парохода и, добравшись вплавь до катера американской береговой охраны, просил убежища в США, но был выдан американскими властями по требованию советского корабельного начальства. После этого Кудирка был осужден по обвинению в измене родины к 10 годам лишения свободы.

■ В мае и июне продолжались административные преследования против активистов еврейского движения за выезд в Израиль. В частности, перед приездом президента США Никсона многие еврей-активисты были арестованы подобно

тому, как это было сделано перед визитом Никсона два года назад (см. «Хроника» 26).

Преследованиям подверглись также участники неофициального семинара физиков, основанного доктором Александром Воронелем. Участники этого семинара — евреи, заявившие о своем намерении выехать в Израиль и отстраненные в связи с этим от своей научной работы в государственных учреждениях. В июле участники этого семинара при поддержке многих западных физиков намеревались провести неофициальный международный симпозиум. В связи с этим д-р Александр Воронель подвергся предупреждениям со стороны властей, а 24 июня он был арестован.

■ Покинул СССР Александр Галич (Гинзбург), Московский писатель, широко известный как автор и исполнитель песен.

Александр Галич известен также своими выступлениями в защиту прав человека. В 1970 г. московский Комитет прав человека избрал Галича корреспондентом Комитета, отмечая этим его деятельность по проповеди идей свободы.

■ Покинул СССР Виктор Файнберг, участник демонстрации протеста против вторжения в Чехословакию в 1968 году, проведенный в заключении в психиатрических больницах более 5 лет.

■ Известные артисты балета супруги Валерий Панов и Галина Рагозина покинули СССР.

PERSONALIA

Петр Григоренко

Пять лет назад, 7 мая 1969 года, в Ташкенте был арестован известный деятель советского правозащитного движения, военный ученый, бывший генерал Советской армии Петр Григорьевич Григоренко (р. 1907 г.).

По решению суда Григоренко был помещен в специальную психиатрическую больницу, где он провел более 4-х

лет, а затем в сентябре 1973 г. был переведен в общую психиатрическую больницу.

В мае этого года комиссия экспертов приняла заключение о возможности прекращения принудительного лечения Григоренко; 26 июня он вышел на свободу.

Преследования генерала Григоренко начались после того, как 7 сентября 1961 года он выступил на районной партийной конференции с обсуждением вопроса о необходимости предусмотреть в новой программе КПСС гарантии против возникновения нового культа личности. Генерал Григоренко был отстранен от работы в Москве и направлен на Дальний Восток с понижением в должности, что не помешало, однако, продолжению его общественных выступлений. Согласно доступным сведениям, в 1963 г. генерал Григоренко возглавил «Союз борьбы за возрождение ленинизма», следствием этого был арест в 1964 г. по обвинению в антисоветской агитации.

В апреле 1964 г. экспертная комиссия института судебной психиатрии имени Сербского признала П. Г. Григоренко невменяемым, и определением Военной коллегии Верховного Суда РСФСР он был освобожден от уголовной ответственности и подвергнут принудительному лечению в психиатрической больнице специального типа. С 14 августа 1964 г. по 23 апреля 1965 г. П. Г. Григоренко находился в Ленинградской специальной психиатрической больнице. Стало также известно, что он был лишен звания генерала, разжалован в рядовые и исключен из партии.

Общественная деятельность П. Г. Григоренко с 1965 по 1969 год посвящена защите прав лиц, преследуемых по политическим мотивам, исследованию военного периода советской истории, защите прав крымских татар на возвращение в Крым. Тексты основных выступлений П. Г. Григоренко опубликованы в 1973 г. Фондом имени Герцена: «Мысли сумасшедшего. Избранные письма и выступления Петра Григорьевича Григоренко» (в этом сборнике помещена также статья Б. И. Цукермана «К аресту генерала Григоренко», содержащая биографические сведения о нем).

Особенную известность получили выступления П. Г. Григоренко в защиту прав крымских татар. Обращаясь к пред-

ставителям крымского татарского народа в Москве, Григоренко говорил в 1968 году:

В своей борьбе не замыкайтесь в узко национальную скорлупу. Устанавливайте контакты со всеми прогрессивными людьми других наций Советского Союза, прежде всего, с нациями, среди которых вы живете, с русскими и украинцами, с нациями, которые подвергались и подвергаются таким же унижениям, как и ваш народ.

Не считайте свое дело только внутрисоюзным. Обращайтесь за помощью к мировой прогрессивной общественности и к международным организациям. То, что с вами сделали в 1944 году, имеет вполне определенное название. Это чистойшей воды *геноцид* — «один из тяжчайших видов преступления против человечества...» (БСЭ, т. 10, стр. 441).

Конвенция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 г., отнесла к геноциду «...действия, совершенные с намерением уничтожить полностью или частично какую-нибудь национальную, этническую, расовую или религиозную группу...» различными методами и, в частности, путем умышленного создания «для них таких условий жизни, которые имели бы целью ее полное или частичное физическое уничтожение...» (там же). Такие действия, т.е. геноцид, «...с точки зрения международного права является преступлением, которое осуждается цивилизованным миром и за совершение которого главные виновники и соучастники подлежат наказанию» (там же). Как видите, *международное право тоже на вашей стороне*. (Бурные аплодисменты.) И если бы вам не удалось решить вопрос внутри страны, вы вправе обратиться в Организацию Объединенных Наций и в Международный трибунал.

В 1969 году, когда в Ташкенте готовился процесс против группы крымских татар, выступавших в защиту прав своего народа, более 2 000 крымских татар обратилось к Григоренко с приглашением выступить на суде общественным защитником.

С намерением выступить на суде в защиту крымских татар, Григоренко прибыл в г. Ташкент и там 7 мая 1969 года был арестован и обвинен в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй, а впоследствии, непосредственно перед судом, в антисоветской агитации.

По заключению психиатрической экспертизы института судебной психиатрии имени Сербского в составе Г. В. Морозова, В. М. Морозова, Д. Р. Лунца, З. Г. Туровой, М. М. Мальцевой он был признан в содеянном невменяемым. Таш-

кентский городской суд 27 февраля 1970 года вынес определение по делу Григоренко о направлении его на принудительное лечение в специальную психиатрическую больницу. В апреле Верховный суд Узбекской ССР по жалобе С. В. Каллистратовой рассмотрел дело Григоренко в кассационном порядке и утвердил определение Ташкентского городского суда.*

В мае 1970 г. с надзорной жалобой по делу Григоренко к Генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко обратились А. Д. Сахаров, М. А. Леонтович, В. Ф. Турчин, В. Н. Чалидзе. Согласно «Хронике» вып. 14, в этой жалобе указывалось на следующие обстоятельства:

1) Ведение предварительного следствия не по месту совершения инкриминируемых Григоренко деяний и безосновательная мотивировка этого Прокуратурой Узбекской ССР тем, что большинство свидетелей проживает в г. Ташкенте, тогда как на самом деле из 106 свидетелей, допрошенных по делу, более 80 проживает в Москве;

2) противозаконное физическое воздействие на подследственного и унижительное для человеческого достоинства обращение с ним в предварительном заключении;

3) нарушение конституционного права на защиту, выразившееся в «неизменном, подчас немотивированном, отклонении ходатайств адвоката, направленных на исправление процессуальных упущений в следствии и на суде» (в жалобе перечислены случаи нарушения права на защиту);

4) отсутствие в суде полного и всестороннего исследования дела: значительная разница между числом свидетелей, допрошенных по делу (106), и вызванных в суд (30), из которых в суд явилось лишь 5; диспропорция в документах: признанных криминальными (300) — и исследованных судом (3); отсутствие разбора в суде вопроса о «субъективной стороне деяний, инкриминируемых П. Г. Григоренко»;

5) отсутствие обоснованного судом решения вопроса о вменяемости Григоренко и отвод ходатайств защиты о назначении третьей экспертизы «для разрешения противоречия» между первой и второй, —

Ниже приводятся сообщения «Хроники текущих событий» в связи с пребыванием Григоренко в Черняховской специальной психиатрической больнице.

* В сборнике «Мысли сумасшедшего» приводится ходатайство адвоката Каллистратовой с критикой экспертного заключения о невменяемости Григоренко.

Выпуск 14

С июня П. Г. Григоренко содержится в специальной психиатрической больнице в г. Черняховске (о специальных психиатрических больницах см. Хроники №№8 и 11).

В начале июня Петра Григорьевича Григоренко в больнице посетили двое в штатском, не назвавшие своих фамилий, предложили ему отречься от своих убеждений. П. Г. Григоренко отказался разговаривать с ними. После этого его стали выводить на прогулку с группой агрессивно настроенных больных.

15 июня у него была жена. Ее заставили ждать восемь часов. При свидании присутствовали представители больничной администрации.

Основной контингент этой специальной (т.е. тюремной) больницы составляют действительно психически больные люди, судимые за изнасилования и убийства.

Больничная палата — шестиметровая камера. В ней двое: Петр Григорьевич и его сосед, зарезавший свою жену и находящийся все время в бредовом состоянии. Свободного пространства — два шага, можно только встать и одеться. Прогулка — около двух часов в день, все остальное время — в запертой камере.

Бумаги и карандаша Петр Григорьевич лишен.

Вынужденная неподвижность, острые боли в раненой ноге, непрерывное воздействие на психику со стороны тяжелого душевнобольного — все это вызывает серьезные опасения за жизнь 62-х летнего П. Г. Григоренко.

Его адрес: Калининградская обл., г. Черняховск, учреждение 216/СТ-2.

Выпуск 15

Петр Григорьевич Григоренко по-прежнему содержится в психиатрической больнице в г. Черняховске (см. Хронику 14).

3 июля к нему на свидание приехали жена З. М. Григоренко, сын Андрей и его невеста. Начальник больницы майор Белокопытов в свидании отказал без всякой мотивировки, хотя доктор Бобылев по состоянию здоровья Петра Григорьевича не возражал против свидания. На просьбу хотя бы о пятиминутном свидании для родительского благословения молодых майор Белокопытов ответил: «Не просите, у меня чувств на работе нет, а только инструкции». На замечание З. М. Григоренко, что ведь эта поездка много стоила, майор сказал: «Я не так вас разорю. И научу, как жить». Лишь на второй день была принята передача.

3 августа Андрей Григоренко вместе с женой снова поехали к отцу. Было разрешено свидание на два часа по часу в день. На просьбу дать свидание на третий день, как всем приезжающим, майор Белокопытов заявил: «Хватит, а то больно густо будет».

П. Г. Григоренко в палате один. Карандаша и бумаги лишен.

Петр Григорьевич Григоренко по-прежнему содержится в спе-

Выпуск 16

циальной психиатрической больнице в г. Черняховске (см. «Хроники» №№ 14, 15).

Последние месяцы на палату-камеру, где заключен Григоренко, навешен второй замок, ключ от которого находится на вахте у дежурного, далеко от камеры. Это крайне затрудняет пользование туалетом. У Григоренко обострился цистит. Мучаясь, Петр Григорьевич не спал ночами.

На все жалобы ответов не было. Только в конце октября в палату Григоренко была поставлена «утка».

Администрация больницы ограничивает П. Г. Григоренко в свиданиях с родными.

Выпуск 18

З. М. Григоренко, жена заключенного в Черняховской больнице-тюрьме Петра Григорьевича Григоренко, вновь обратилась с письмами в советские и международные инстанции, требуя неотложного вмешательства в судьбу ее мужа. В своих письмах она подробно рассказывает о бесчеловечном обращении, которому подвергают П. Г. Григоренко в Черняховской спецбольнице. Он по-прежнему лишен пера и бумаги для самостоятельных занятий, по-прежнему его кормят и водят на прогулку вместе с агрессивными больными, ему, несмотря на его просьбы, отказано в праве на какой-либо физический труд и т.п. В январе этого года П. Г. Григоренко предстал перед очередной комиссией. Один из первых вопросов профессора:

— Петр Григорьевич, каковы ваши убеждения?

Он ответил:

— Убеждения не перчатки, их легко не меняют.

На просьбу об авторучке и бумаге получил ответ:

— Зачем вам ручка? У вас появятся мысли, вы станете их записывать, а вам это противопоказано.

Решение комиссии: «Лечение продлить ввиду болезненного состояния».

Выпуск 22

16 сентября 1971 г. английская газета «Таймс» напечатала письмо, подписанное проф. Ф. А. Дженнером и другими английскими психиатрами (всего 44 подписи) по поводу опубликованного в «Таймсе» 12 марта обращения В. Буковского к западным психиатрам. В. Буковский «просил их изучить официальные медицинские и другие документы, которые он приложил к своему письму, по поводу содержания, главным образом в тюремных больницах, людей протестовавших против некоторых действий советского правительства» ...Профессор Дженнер и его коллеги по кафедре психиатрии Шеффилдского университета пишут, что, изучив документы экспертиз П. Григоренко, И. Яхимовича, Н. Горбанев-

ской, В. Файнберга, В. Борисова, В. Кузнецова, они «выразили глубокое сомнение в законности принудительного лечения упомянутых 6 лиц, а также содержания их в течение неизвестного времени в условиях тюремных психиатрических больниц». «Мы думаем, — пишут далее авторы письма в редакцию, — что диагнозы этим 6 лицам были поставлены только из-за их действий, которые они предпринимали в защиту основных свобод, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека и гарантированных советской конституцией».

Известно большое количество выступлений в защиту Григоренко в СССР и на Западе.

Его жена, З. М. Григоренко в течение 5-ти лет активно выступала в его защиту апеллируя к властям и к мировому общественному мнению, постоянно боролась за улучшение условий содержания Григоренко в больнице и за пресечение нарушений его прав.

В апреле в защиту Григоренко выступили писатель Солженицын и член-корреспондент Академии Наук СССР математик Шафаревич.

Валентин Мороз

Четыре года назад, 1 июня 1970 г., был арестован Валентин Мороз по обвинению в антисоветской агитации.

Ранее Мороз был репрессирован также по обвинению в антисоветской агитации и отбывал наказание с 1965 по 1969 год.

В ноябре 1970 года в Ивано-Франковском суде слушалось дело Мороза, и он был приговорен к 9-ти годам лишения свободы с отбыванием первых шести лет в тюрьме и последующих трех в колонии особого режима, а также к 5 годам ссылки по отбытии лишения свободы.

Морозу было инкриминировано авторство и распространение произведений «Датан и Моисей», «Среди снегов», «Хроника сопротивления», «Я видел Магомета» и «Репортаж из заповедника имени Берия», причем ранее, на следствии в 1968-69 гг. против Мороза уже было возбуждено дело по обвинению в написании произведения «Репортаж из заповедника имени Берия», однако тогда дело было прекращено за недоказанностью авторства Мороза.

Валентин Мороз отказался давать показания на суде, протестуя против проведения суда при закрытых дверях.

18 ноября 1970 г. по поводу нарушения гласности судебного рассмотрения дела Мороза Министру юстиции Украины и Прокурору Украины был направлен протест Б. Антоненко-Давидовича, И. Дзюбы, В. Черновола, которые были вызваны на суд как свидетели. Авторы указывают, что они даже не были допущены на суд в момент оглашения приговора.

В настоящее время Мороз содержится во Владимирской тюрьме. В прошлом году он был переведен в одиночную камеру по его просьбе после того, как был ранен уголовниками-сокамерниками.

Весной этого года Мороз, который находится в весьма тяжелом физическом состоянии, заявил требование о досрочном переводе его из тюрьмы в лагерь и заявил о намерении 1 июля объявить голодовку, если это его требование не будет исполнено.

Выступления в защиту Мороза — многочисленны. 3 апреля 1974 г. член Инициативной группы по защите прав человека в СССР Татьяна Ходорович опубликовала заявление в защиту Мороза (см. «Хроника защиты» 8).

В июне академик Сахаров направил Л. И. Брежневу следующее заявление в защиту Мороза:

Арестованный повторно четыре года назад политзаключенный Валентин Мороз после 2-х лет пребывания в одиночной камере Владимирской тюрьмы требует перевода в лагерь и объявляет голодовку. Валентин Мороз, ранее отбывший 4-летний срок заключения, осужден на 6 лет тюрьмы, 3 года лагеря и 5 лет ссылки за составление репортажа об ужасах его первого заключения. Только стремлением властей скрывать позорную правду можно объяснить их повторную жестокость. В тюрьме Мороз страдал от нападения подсаженных к нему уголовников и был, по его просьбе, переведен в одиночку. Единственное нарушение режима, которое ему ставится в вину, — разговор на свидании с женой на украинском языке. Я прошу Вас вмешаться и спасти честного и мужественного человека.

С глубоким уважением *Андрей Сахаров*, академик

24 июня вице-президент американского Пенклуба Генри Карлайл направил Подгорному телеграмму в защиту Валентина Мороза.

Валентин Мороз широко известен как один из наиболее активных украинских писателей, выступавших в защиту прав человека.

ДОКУМЕНТЫ

Жалоба Чалидзе в ООН о дискриминации крымских татар

Генеральному Секретарю ООН г-ну Курту Вальдхайму
от Валерия Чалидзе

Многоуважаемый господин Генеральный Секретарь.

Я хочу привлечь Ваше внимание к судьбе крымских татар (СССР), которые до 1944 года проживали в Крыму, а затем были переселены на территорию Узбекской и других союзных республик. С этой целью я направляю вместе с этим письмом «Сообщение о дискриминации крымских татар», составленное мною на основании фактов, отраженных в советском законодательстве.

Я надеюсь, что мое **сообщение** будет рассмотрено в соответствии с существующей в ООН процедурой рассмотрения частных сообщений по вопросам о нарушениях прав человека, и я надеюсь при этом, что это **сообщение** будет признано приемлемым для такого рассмотрения в соответствии с предварительной процедурой, утвержденной резолюцией I (XXIV), принятой 14 августа 1971 года Подкомиссией по предупреждению дискриминации и защите меньшинств. В надежде на рассмотрение вопроса о приемлемости моего **сообщения** в соответствии с этой резолюцией, я прилагаю к своему **сообщению** записку «Обоснование приемлемости Сообщения о дискриминации крымских татар (СССР)».

Насколько мне известно, в документах ООН, касающихся права петиций в ООН о нарушениях прав человека, не отражено мнение ООН или ее специализированных организаций о том, должны ли или могут ли быть петиции в ООН о нарушениях прав человека гласными. Исходя из глубокого убеждения в предпочтительности гласности в том, что касается защиты прав человека, и особенно в том, что касается международной защиты прав человека, я считаю это письмо, сообщение и прилагаемые к нему документы открытыми для публикации. В данном случае публикация этих документов важна не только с принципиальной, но и с практической точки зрения: можно предположить, что после того, как заинтересованные и сведущие лица прочтут эти документы, Объединенные Нации смогут получить важные и полезные для рассмотрения проблемы сообщения этих лиц.

Для того, чтобы облегчить Вам восприятие нижеследующих документов, я закончу это письмо очень краткой исторической справкой о крымских татарах.

Как можно судить, крымские татары — это потомки тех, кто когда-то населял могучую и пространную державу на юге Во-

сточной Европы. Крым был издавна центром этой державы, и постепенно крымские татары сосредоточились в некоторой части этого полуострова, уступив свои северные территории растущей Российской державе. Впоследствии Крымское ханство прекратило свое существование, и его территория была присоединена к России. В соответствии с тогдашней практикой Российской империи крымские татары сохраняли свою религию (ислам) и частично национальное самоуправление.

Однако они были в Российской империи инородцами и иноверцами и в связи с этим могли подчас испытывать к себе недоверчивое отношение российской администрации. Особенно сильно такое недоверие проявилось во время Русско-Турецкой войны в XIX веке. По сообщению Большой Советской Энциклопедии (изд. I, 1936 г.), многие крымские татары осенью 1854 года были переселены из прибрежных районов по соображениям безопасности. Автор статьи в Большой Советской Энциклопедии пишет по этому поводу:

«Особенно большие размеры приняла эмиграция трудящихся татар в 60-х годах XIX века. Осенью 1854 года последовал приказ военного министра о том, что «император... повелел переселить от моря всех прибрежных жителей магометанского вероисповедывания во внутренние губернии». Эта мера, проводившаяся в связи с Крымской войной по соображениям как бы военного порядка, нужна была царскому правительству для захвата богатейших земель южного берега Крыма. Начавшиеся преследование и издевательства военного начальства над татарами из-за их якобы шпионской деятельности превратили это переселение в повальное бегство. Эмигрировали целыми семьями, даже ордами, опустели сотни аулов и деревень...»

После установления в России советской власти и образования РСФСР была образована Автономная Крымская Советская Социалистическая Республика (Постановление ВЦИК и СНК от 18 октября 1921 г. — СУ, 1921 г., № 69, ст. 556).

В последующие годы, как можно судить по советским официальным актам, крымские татары прошли такой же путь преобразования своей жизни, как и другие народности Советского Союза. Надо полагать, что с точки зрения центральной власти эти преобразования были успешны настолько, что Крымская АССР удостоилась награждения орденом Ленина. В числе прочих успехов преобразования, таких, как организация культурных учреждений, развитие промышленности и т.п., отмечу особо успехи коллективизации сельского хозяйства, которая в конце 20-х и в начале 3-х годов активно была проведена по всей территории СССР. По данным 1933 года (Постановление ВЦИК 26 декабря 1933 г.), в Крыму «колхозы охватывают 88% бедняцко-средняцких хозяйств». По данным Большой Советской Энциклопедии (1936 г.), в Крыму была проведена сплошная коллективизация сельского

хозяйства. Я отмечаю это особо, потому что для большинства крымских татар занятие сельским хозяйством было основным и потому что в моем сообщении идет речь именно о правах колхозников.

В годы второй мировой войны крымские татары, подобно другим народам СССР, принимали участие в войне против Германии: подробные данные об этом приведены в «Исторической справке», приложенной к письму крымских татар, направленному Вам академиком Сахаровым и другими московскими интеллигентами.

После освобождения Крыма от немецкой оккупации в 1944 году крымские татары были поголовно выселены из Крыма в Узбекскую и другие союзные республики. О том, на что ссылались власти при этом как на основание такой меры, можно судить из преамбулы к Указу Президиума Верховного Совета СССР 5 сентября 1967 года, текст которого приведен в начале моего **Сообщения**.

О том, каков был режим в местах, куда были поселены крымские татары, можно судить по письму проф. А. С. Вольпина (см. Приложение 3). После отмены режима спецпоселений (Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 г. — он не опубликован) и поныне крымские татары с возрастающей активностью требуют восстановления их права на принадлежащую им территорию в Крыму и восстановления национальной автономии. Петиции, направленные крымскими татарами Советским властям и международным организациям, по проблеме восстановления прав крымско-татарского народа исчисляются сотнями, а подписи под этими петициями исчисляются многими тысячами. Многие крымские татары были подвергнуты судебному преследованию за активность в требованиях восстановить права крымско-татарского народа. Большой активности движение крымских татар достигло в 1968-69 г., когда требования крымских татар были поддержаны бывшим генерал-майором советской армии П. Г. Григоренко, который был арестован в 1969 году в Ташкенте, куда он приехал с целью выступить на суде над группой крымских татар.

Требования крымских татар о восстановлении их прав были поддерживаемы также московским учителем Ильей Габаем, который за эту деятельность был осужден и провел три года в заключении.

Впоследствии требования крымских татар были поддержаны Московским Комитетом прав человека, который направил Президиуму Верховного Совета СССР петицию с призывом обеспечить беспрепятственное переселение в Крым крымских татар (см. Приложение 2). Ответа на эту петицию не последовало.

Крымские татары не только обращаются к властям с требованием восстановить их права, но и предпринимают индивидуальные действия по переселению в Крым. Однако они в большинстве случаев наталкиваются на препятствия местных властей, которые не дают разрешения на поселение крымских татар в Крыму, на

покупку домов, на устройство на работу. Эта проблема подробно освещена в упомянутом выше письме крымских татар к Вам.

В этой краткой исторической справке я говорю о фактах, не забываясь о представлении доказательств информации об этих фактах: это письмо является лишь сопроводительным к нижеследующему **Сообщению**, при составлении которого я заботился о том, чтобы оно (и именно оно, а не сопроводительное письмо) было признано приемлемым в соответствии с упомянутой резолюцией Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств.

В своем **Сообщении** я говорю лишь о правах части крымско-татарского народа. Я надеюсь, что рассмотрение Объединенными Нациями других документов по этому вопросу, в том числе упомянутого выше письма к Вам крымских татар, поддержанного Сахаровым и другими, будет содействовать разрешению проблемы возвращения крымских татар в Крым.

С совершенным почтением
Чалидзе

3 июня 1974 г.

P.S. Я озаботился представлением Вам английских переводов русских подлинников всех документов. Моя фамилия, как автора этого сообщения может быть разглашена. **В. Ч.**

Генеральному Секретарю ООН г-ну Курту Вальдхайму
от Валерия Чалидзе

СООБЩЕНИЕ О ДИСКРИМИНАЦИИ В ОТНОШЕНИИ НЕКОТОРОЙ ЧАСТИ КРЫМСКИХ ТАТАР (СССР)

5 сентября 1967 года Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму» (Ведомости Верховного Совета СССР, 1967 г., № 36):

После освобождения в 1944 году Крыма от фашистской оккупации факты активного сотрудничества с немецкими захватчиками определенной части проживавших в Крыму татар были необоснованно отнесены ко всему татарскому населению Крыма. Эти огульные обвинения в отношении всех граждан татарской национальности, проживавших в Крыму, должны быть сняты, тем более, что в трудовую и политическую жизнь общества вступило новое поколение людей.

Президиум Верховного Совета СССР **постановляет**

1. Отменить соответствующие решения государственных органов в части, содержащей огульные обвинения в отношении граждан татарской национальности, проживавших в Крыму.

2. Отметить, что татары, ранее проживавшие в Крыму, укоренились на территории Узбекской и других союзных респуб-

лик, они пользуются всеми правами советских граждан, принимают участие в общественно-политической жизни, избираются депутатами Верховных Советов и местных Советов депутатов трудящихся, работают на ответственных постах в советских, хозяйственных и партийных органах, для них ведутся радиопередачи, издается газета на родном языке, осуществляются другие культурные мероприятия.

В целях дальнейшего развития районов с татарским населением поручить Советам Министров союзных республик и впредь оказывать помощь и содействие гражданам татарской национальности в хозяйственном и культурном строительстве с учетом их национальных интересов и особенностей.

О том, почему «граждане татарской национальности, ранее проживавшие в Крыму» очутились на территории Узбекской и других союзных республик, узнаем из Закона РСФСР от 25 июня 1946 года («Известия», 28 июня 1946 г.).*

Закон об упразднении Чечено-ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область.

Во время Великой Отечественной войны, когда народы СССР героически отстаивали честь и независимость Родины в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, многие чеченцы и крымские татары по наущению немецких агентов вступали в организованные немцами добровольческие отряды и вместе с немецкими войсками вели вооруженную борьбу против частей Красной Армии, а также по указке немцев создавали диверсионные банды для борьбы с советской властью в тылу, причем основная масса населения Чечено-Ингушской и Крымской АССР не оказывала противодействия этим предателям Родины.

В связи с этим чеченцы и крымские татары были переселены в другие районы СССР, где они были наделены землей с оказанием необходимой государственной помощи по их хозяйственному устройству. По представлению Президиума Верховного Совета РСФСР Указами Президиума Верховного Совета СССР Чечено-Ингушская АССР была упразднена, а Крымская АССР преобразована в Крымскую область.

Верховный Совет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики постановляет:

1. Утвердить упразднение Чечено-Ингушской АССР и преобразование Крымской АССР в Крымскую область.

* Ранее, 30 июня 1945 года, Президиум Верховного Совета СССР издал указ о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область.

Характерно, что в приведенном законе эти граждане названы **крымскими татарами** — впоследствии законодатель избегает употреблять этот термин.

2. Внести соответствующие изменения и дополнения в статью 14 Конституции РСФСР.

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР И. Власов.
Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР П. Бахмуров.

Москва, Кремль, 25 июня 1946 года

Хотя это не следовало из названия Крымской АССР, но, судя по приведенному тексту закона РСФСР и по другим признакам, Крымская АССР была национальной автономией крымских татар, несмотря на то, что они, подобно многим другим народам, имеющим национальную автономию, не составляли большинства на территории своей автономной республики. Автономные республики в СССР создаются именно как национальные, а не территориальные автономии, и основным признаком того, какая национальность имеет автономию благодаря учреждению автономной республики, является то, какой язык, помимо русского и республиканского, если он не русский, является в этой автономной республике государственным языком. Согласно Конституции Крымской республики 1921 года, государственными языками Крымской республики «принимаются русский и татарский». Об этом же свидетельствует постановление ЦИК и СНК Крыма о татаризации государственных аппаратов («Красный Крым», № 36, 14 февраля 1922 года).

Неизвестен нормативный акт, в соответствии с которым было произведено переселение крымских татар. Судя по другому случаю депортации народа — случаю немцев Поволжья — можно предполагать, что такой акт был и остался неопубликованным: в Указе 29 августа 1964 года,* которым Президиум Верховного Совета СССР снимает «огульные обвинения» с немцев Поволжья, упоминается Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года, при этом дается ссылка на «протокол заседания Президиума Верховного Совета СССР, 1941 г., № 9, ст. 256 (а не какой-либо печатный орган, где этот Указ мог бы быть опубликован).

Известно, что некоторые другие народы, в том числе некоторые мусульманские народы Северного Кавказа, так же, подобно крымским татарам и немцам Поволжья, подверглись переселению. Впоследствии, однако, их права на исторически принадлежащую им территорию были восстановлены.

Акты об этом также не опубликованы, однако этот общеизвестный факт может быть подтвержден свидетельскими показаниями и, косвенно, исследованием изменений Конституции СССР.

В тексте Конституции СССР 1936 года статья 22 сообщает об автономных республиках и областях, что «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика состоит из... автономных советских социалистических республик: Татарской, Башкирской, Дагестанской, Бурят-Монгольской, Кабардино-Балкарской, Калмыцкой, Карельской, Коми, Крымской, Марийской, Мордов-

* См. Сборник законов СССР, М., 1968, т. I, стр. 165.

ской, Немцев Поволжья, Северо-Осетинской, Удмуртской, Чечено-Ингушской, Чувашской, Якутской; автономных областей: Адыгейской, Еврейской, Карачаевской, Ойротской, Хакасской, Черкесской».

27 февраля 1947 года Верховный Совет принял Закон об изменении и дополнении текста Конституции СССР. Депутат А. Вышинский в опубликованном докладе об изменениях Конституции не затронул вопроса об исчезновении из перечня ст. 22 некоторых автономных республик и областей.

В редакции 1947 года ст. 22 гласит, в частности:

«Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика состоит из... автономных советских социалистических республик: Татарской, Башкирской, Дагестанской, Бурят-Монгольской, Кабардинской, Коми, Марийской, Мордовской, Северо-Осетинской, Удмуртской, Чувашской, Якутской; автономных областей: Адыгейской, Еврейской, Ойротской, Тувинской, Хакасской, Черкесской».

В Сборнике законов СССР издания 1968 года помещен текст Конституции, в котором статья 22 гласит об автономных республиках:

«В Российской Советской Федеративной Социалистической Республике состоят автономные советские социалистические республики: Башкирская, Бурятская, Дагестанская, Кабардино-Балкарская, Калмыцкая, Карельская, Коми, Марийская, Мордовская, Северо-Осетинская, Татарская, Тувинская, Удмуртская, Чечено-Ингушская, Чувашская, Якутская; автономные области: Адыгейская, Горно-Алтайская, Еврейская, Карачаево-Черкесская, Хакасская».

Из этого сравнения видно: 1) преобразование Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую и затем снова в Кабардино-Балкарскую, что подтверждает известный факт выселения и возвращения **балкарцев**; 2) исчезновение в тексте 1947 года и последующее восстановление Калмыцкой АССР и Чечено-Ингушской АССР, что подтверждает аналогичный факт о **калмыках, чеченах и ингушах**; 3) исчезновение в тексте 1947 года Карачаевской автономной области и появление в современном тексте Карачаево-Черкесской автономной области (территория Карачаевской автономной области была передана Грузии, однако после возвращения карачаевцев эта территория была снова передана РСФСР — см. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1955 года о передаче Клухорского района Грузинской ССР в состав РСФСР — Сборник законов СССР, 1959 г., стр. 58); 4) исчезновение Крымской АССР (впоследствии, в 1954 году территория Крымской АССР была передана Украинской ССР).

Я утверждаю, что недобровольное переселение нескольких на-

родов в СССР в то время, как другие народы были оставлены на их исторической территории, является дискриминацией по национальному признаку и притом правоограничительной дискриминацией в силу того, что были нарушены права лиц этих национальностей на сохранение своего жилища, на свободу передвижения и выбор жилища, а также другие, в том числе и имущественные права — однако не этот факт дискриминации составляет предмет данного сообщения.

Я утверждаю, что теперь, после того как территориальные права некоторых ранее переселенных народов были восстановлены, проводится дискриминация по национальному признаку в отношении, в частности, крымских татар, ибо не были приняты меры к предоставлению им для жительства той территории, с которой они были переселены. Указ 1967 года, приведенный выше, отметил, что, по мнению Президиума Верховного Совета СССР, крымские татары **укоренились** на территории Узбекской ССР. Даже если это соответствует действительности, им все равно должно быть **предоставлено право** вернуться на исторически принадлежащую им территорию в Крыму, и мнение Президиума Верховного Совета СССР о том, что они **укоренились** в Узбекской и других союзных республиках, должно лишь препятствовать новому насильственному переселению крымских татар.

Вместо издания акта о предоставлении крымским татарам **права** вернуться в Крым (или вместо принятия мер по помощи им в таком возвращении), Президиум Верховного Совета СССР принял постановление о том, что «граждане татарской национальности, ранее проживавшие в Крыму, и члены их семей пользуются правом, как и все граждане СССР, проживать на всей территории Советского Союза в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме».*

Это означает, что крымские татары не имеют **преимущественного права** переселения в Крым подобно тем народам Северного Кавказа, которым была предоставлена **преимущественная возможность** возвратиться на территорию, с которой они были ранее насильственно переселены. Упоминание о законодательстве о трудоустройстве и паспортном режиме означает, что крымские татары имеют на переселение в Крым **не больше** прав, чем все граждане СССР, т.е., как и все граждане СССР, они должны получить разрешение местных властей в форме прописки для проживания в Крыму. В прописке же может быть отказано (что и происходит часто на практике) на том основании, что желающий прописаться не имеет в данной местности постоянной работы, а постоянную работу лицо может получить лишь, если у него есть прописка для жительства в данной местности — говорю об этом, как об общеизвестном факте, и готов представить свидетелей для

* Постановление от 5 сентября 1967 года, Сборник законов СССР, 1968 г., т. I, стр. 167.

подтверждения информации об этом факте (акты о паспортном режиме и о процедуре получения прописки неопубликованы, но известно, что за проживание без прописки в местностях, где таковая требуется, в том числе и в Крымской области, в СССР возможно уголовное преследование по ст. 196 Уголовного Кодекса Украинской ССР и соответствующим статьям уголовных кодексов союзных республик).

Нетрудно перечислить многие из прав, которые нарушаются при такой дискриминации в отношении крымских татар сравнительно с лицами других национальностей, права которых не были нарушены насильственным переселением, либо были восстановлены впоследствии. Анализ, однако, показывает, что в основном эти нарушенные права крымских татар либо не гарантированы советским законом (например, право на восстановление нарушенной национальной автономии), либо претензии по ним могут быть признаны погашенными давностью (например, право на оставленное в Крыму при насильственном переселении личное имущество, в том числе жилые дома).

Поэтому в данном сообщении для обоснования факта дискриминационного нарушения прав крымских татар мне пришлось бы апеллировать к общим принципам международного права о правах человека, чего, однако, мне не хочется делать, ибо многие государства относятся к этим принципам, как к ни чему не обязывающим, по крайней мере в тех случаях, когда оппонент пытается применить эти принципы к их внутренним проблемам.

Поэтому из стремления говорить лишь о нарушении права, гарантированного советским законом, и притом такого, претензии по которому не погашаются давностью, мне придется говорить не о нарушении прав всех насильственно переселенных крымских татар, а лишь о правах некоторой части этого народа, именно тех татар, которые были объединены в колхозы и притом такие колхозы, в которых крымские татары составляли более 1/3 общего числа членов колхоза.

Ст. 8 Конституции СССР гласит: «Земля, занимаемая колхозами, закрепляется за ними в бесплатное и бессрочное пользование, т.е. навечно».

Крымские татары, бывшие членами колхозов, имели, как и все колхозники, право на пользование совместно со всеми членами колхоза этой **навечно закрепленной** землей и имели право на личное пользование **приусадебным участком земли**, который предоставлялся колхозному двору согласно Конституции СССР (ст. 7).

В соответствии с примерным Уставом сельскохозяйственной артели (Постановление СНК СССР и ЦК ВКПБ от 17 февраля 1935 г.), который действовал в 1944 году, исключение из сельскохозяйственной артели (колхоза) «может быть произведено **только** (подчеркнуто мною — В. Ч.) по решению общего собрания членов артели, на котором присутствует не меньше 2/3 общего числа

членов артели». Это означает, что если в колхозе было более 1/3 членов колхоза — крымских татар, то они не могли быть после их выселения из Крыма исключены из состава колхоза, так как невозможно было созвать общее собрание с присутствием на этом собрании не менее 2/3 членов колхоза. Следовательно, они по-прежнему являются членами тех самых колхозов, за которыми навечно была закреплена земля в Крыму. Следовательно, как члены колхоза они имеют право на приусадебный участок на этой земле и право на жилой дом (согласно Конституции СССР, ст. 7), следовательно, они имеют преимущественное, по сравнению с другими гражданами СССР, право на то, чтобы поселиться в Крыму (точнее, вернуться в Крым), и непризнание этого их преимущественного права Президиумом Верховного Совета СССР (Указ 5 сентября 1967 г.) означает дискриминацию в отношении крымских татар по сравнению с лицами тех национальностей, преимущественное право которых на возвращение на их территорию было признано.

Мое сообщение о дискриминационном нарушении прав крымских татар касается лишь некоторой части этого народа. Было бы прекрасно, если бы консультативное содействие ООН побудило Советский Союз предоставить всем крымским татарам право вернуться на их территорию в Крыму — это соответствовало бы принципу, на отражении которого в Пактах о правах человека ООН так настаивал Советский Союз: «Ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств к существованию».

Но даже если такое общее решение проблемы не реализуется сразу, я хотел бы надеяться, что консультативное содействие ООН окажется достаточным для того, чтобы Советский Союз признал право на возвращение в Крым той категории крымских татар, о которой я говорил в этом сообщении: их право на возвращение гарантировано советскими актами и претензии по нему, согласно Конституции, не погашаются давностью.

3 июня 1974 г.

(В. Чалидзе)

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Записка о приемлемости сообщения о дискриминации крымских татар.

2. Заявление А. Д. Сахарова, А. Н. Твердохлебова, В. Н. Чалидзе, И. Р. Шафаревича в Президиум Верховного Совета СССР от 21 апреля 1972 года.

3. Ответ проф. А. Вольпина на запрос Чалидзе от 17 декабря 1973 года.

ОБОСНОВАНИЕ ПРИЕМЛЕМОСТИ
СООБЩЕНИЯ ЧАЛИДЗЕ

«О ДИСКРИМИНАЦИИ КРЫМСКО-ТАТАРСКОГО НАРОДА»

(в соответствии с резолюцией 1 (XXIV) от 14 августа 1971 года
Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите
меньшинств)

Для удобства прочтения этого документа я буду цитировать пункты резолюции 1 (XXIV) Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств, обращая внимание особенно на те пункты требований этой резолюции, которые допускают неоднозначное толкование или которые выражены, на мой взгляд, недостаточно ясно.

«1 (а) Содержание сообщений не должно противоречить соответствующим принципам Устава, Всеобщей декларации прав человека и других применимых документов в области прав человека».

Я полагаю, что мое Сообщение удовлетворяет этому требованию резолюции.

«1 (б) Сообщения являются приемлемыми только в том случае, если после рассмотрения их вместе с ответами соответствующих правительств, если таковые получены, имеются достаточные основания полагать, что они могут выявить систематические, грубые и достоверно подтвержденные нарушения прав человека и основных свобод, включая политику расовой дискриминации и сегрегации и политику апартеида во всех странах, включая колониальные и другие зависимые страны и народы».

Я не располагаю ответом Советского правительства на ранее направленное мною совместно с Сахаровым, Твердохлебовым и Шафаревичем прилагаемое обращение в защиту права крымских татар поселиться на жительство в Крыму, потому что такой ответ не получен. Я полагаю, что мое Сообщение достоверно подтверждено, будучи основано на фактах, отраженных в советском законодательстве, и посвящено выявлению систематического и, я следую терминологии резолюции, грубого нарушения прав крымских татар на возвращение на территорию, на которую они имеют право вернуться согласно советским законам. Я полагаю, что поскольку крымские татары ограничены в праве возвращения на ту территорию, с которой они были выселены, в отличие от некоторых других народов, которым была предоставлена возможность такого возвращения, — данное нарушение является случаем дискриминации по признаку национальной принадлежности, которая по определению Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации является одной из форм расовой дискриминации.

«2 (а) Приемлемые сообщения могут исходить от лица или группы лиц, которые, как можно с основанием предполагать, являются жертвами нарушений, упомянутых в подпункте 16 выше, от любого лица или группы лиц, имеющих непосредственные и достоверные данные об этих нарушениях, или от неправительственных организаций, действующих добросовестно в соответствии с признанными принципами прав человека, не занимающих политически мотивированных позиций, противоречащих положениям Устава Организации Объединенных Наций, и непосредственно и достоверно знающих о таких нарушениях».

Я полагаю, что могу считать себя лицом, имеющим непосредственные и достоверные данные о нарушениях прав, о которых идет речь в **Сообщении**, ибо эти данные отражены в советских нормативных актах. Я полагаю, что по конструкции этого пункта требование не занимать политически мотивированной позиции, противоречащей положениям Устава Объединенных Наций, не относится к частным лицам, а относится лишь к неправительственным организациям, однако, если возможно иное толкование этого пункта, я заявляю, что считаю несомненным, что я не занимаю политически мотивированной позиции, противоречащей положениям Устава Объединенных Наций, и это мое заявление, как полагаю, подтверждается всей моей предшествующей деятельностью по защите прав человека.

«2 (б) Анонимные сообщения являются неприемлемыми; в соответствии с требованиями, содержащимися в подпункте 26 резолюции 728 (XXVIII) Экономического и Социального Совета, автор сообщения, будь то отдельное лицо, группа лиц или организация, должен быть четко указан».

Автор моего **Сообщения** указан, по моему мнению, достаточно четко. Я готов сообщить о себе помимо своего имени и другие сведения, если в пункте 26 под четким указанием автора подразумевается нечто большее, чем указание имени автора.

«2 (в) Сообщения не являются неприемлемыми только потому, что сведения отдельных авторов получены из вторых рук, при условии, что они сопровождаются вескими доказательствами».

Основные сведения, которые я использую в **Сообщении**, основаны на текстах советских законов и нормативных актов. Дополнительные сведения могут быть подтверждены мною представлением свидетельских показаний, если это понадобится для рассмотрения моего **Сообщения**.

«3 (а) В сообщении должно содержаться изложение фактов и указываться цель петиции и права, которые были нарушены».

Полагаю, что это требование выполнено мною.

«3 (б) Сообщения являются неприемлемыми, если они составлены в оскорбительном тоне и, особенно, если в них содержатся оскорбительные ссылки на государство — объект жалобы. Такие сообщения могут рассматриваться, если они отвечают другим критериям приемлемости, после исключения оскорбительных выражений».

Полагаю, что мое **Сообщение** составлено не в оскорбительном тоне. Полагаю также, что в нем не содержится оскорбительных ссылок на государство — «объект жалобы». Возможно, что Советский Союз сочтет оскорбительным утверждение, что проживающее на его территории национальное меньшинство подвергается национальной дискриминации. Если орган Объединенных Наций, который будет рассматривать вопрос о приемлемости моего **Сообщения**, сочтет такое толкование допустимым, то, как я могу понять из этого подпункта, мое **Сообщение** сможет претендовать на приемлемость после исключения из него утверждения, что крымские татары подвергаются национальной дискриминации в СССР. В этом подпункте не указано, кем проводится **исключение «оскорбительных выражений»**. Я бы предпочел, по принципиальным соображениям и для ускорения производства по **Сообщению**, чтобы такое исключение было проведено самим органом, который будет рассматривать это **Сообщение**.

«3 (в) Сообщение является неприемлемым, если оно имеет явные политические мотивы и если предмет жалобы противоречит положениям Устава Организации Объединенных Наций».

Мотивом настоящего сообщения является стремление содействовать защите гражданских прав дискриминируемого меньшинства, что ни в коей мере не противоречит положениям Устава ООН. Ничто в этом моем стремлении не обусловлено политическими мотивами; тем более, что по моему глубокому убеждению проблема обеспечения прав человека должна быть признаваема общезначимой независимо от политического устройства и политических целей государств.

«3 (г) Сообщение является неприемлемым, если очевидно, что оно основано исключительно на материалах, распространяемых средствами массовой информации».

Мое **Сообщение** основано на законодательных и нормативных актах, которые в Советском Союзе в случае их публикации распространяются средствами массовой информации (под распространением средствами массовой информации я понимаю многотиражное воспроизведение со свободной продажей или раздачей экземпляров текста). Поскольку, стремясь к достоверной доказанности своих утверждений, я предпочитал основываться в **Сообщении** исключительно на текстах советских законов и нормативных актов, это создавало риск того, что мое **Сообщение** окажется

неприемлемым. Для устранения этого риска мне пришлось сослаться иногда на факты общеизвестные, а также сослаться на предположительно существующий неопубликованный закон или нормативный акт, в соответствии с которым крымские татары в 1944 году были выселены из Крыма: для подтверждения того, что такой акт существовал или может быть существовал, я привожу в приложении письмо проф. А. Вольпина о том, что ему известно по этому вопросу.

«4 (а) Сообщения являются неприемлемыми, если их принятие нанесет ущерб функциям специализированных учреждений системы Организации Объединенных Наций».

Я надеюсь, что принятие к рассмотрению моего **Сообщения** не нанесет ущерб функциям специализированный учреждений системы Объединенных Наций.

«4 (б) Сообщения являются неприемлемыми, если не были использованы полностью национальные средства, кроме случаев, когда очевидно, что такие средства окажутся неэффективными или слишком затяжными. Любой случай неполного использования имеющихся средств должен быть в удовлетворительной степени устанавлен».

Я считаю, что национальные средства были использованы в достаточной мере. В 1972 году я совместно с А. Сахаровым, А. Твердохлебовым и И. Шафаревичем от имени Комитета прав человека обратился к Президиуму Верховного Совета СССР с призывом не препятствовать поселению крымских татар в Крыму. Ответа на это заявление не было получено, несмотря на норму Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 года «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан», в соответствии с которой «заявления и жалобы во всех органах разрешаются в срок до одного месяца, а не требующие дополнительного изучения и проверки — безотлагательно, но во всяком случае не позднее 15 дней со дня поступления в орган, обязанный разрешить вопрос по существу... в тех случаях, когда для разрешения заявления или жалобы необходимо проведение специальной проверки, истребование дополнительных материалов, принятие других мер, сроки разрешения заявления или жалобы могут быть в порядке исключения продлены руководителем или заместителем руководителя соответствующего органа, но не более, чем на один месяц с сообщением этому лицу, подавшему заявление или жалобу». Поскольку ни ответа на наше заявление, ни сообщения о продлении срока рассмотрения нашего заявления мы не получили от Президиума Верховного Совета СССР, который является представителем высшего органа государственной власти, я могу полагать, что национальные средства для разрешения проблемы исчерпаны.

«4 (в) Сообщения, касающиеся случаев, уже урегулированных соответствующим государством в соответствии с принципами, изложенными во Всеобщей декларации прав человека и в других применимых документах в области прав человека, рассматриваться не будут».

Я буду рад, если мое **Сообщение** не будет рассматриваться по той причине, что к моменту его рассмотрения в ООН проблема возвращения крымских татар в Крым будет урегулирована Советским Союзом в соответствии с принципами Всеобщей декларации прав человека и других применимых документов, если, разумеется, рассмотрение моего **Сообщения** можно ожидать в обозримый срок.

«5. Сообщение является неприемлемым, если оно не представлено в Организацию Объединенных Наций в разумный срок после того, как полностью использованы национальные средства, как это предусмотрено выше».

Вывод о том, что мною полностью использованы национальные средства для обсуждения проблемы о возвращении крымских татар в Крым, был сделан мною по крайней мере летом 1972 года, когда я понял, что прошли все возможные сроки, даже с учетом почтовой неаккуратности, для того, чтобы получить ответ Президиума Верховного Совета СССР на упомянутое выше заявление (см. приложение 2). С тех пор прошло почти два года. Является ли этот срок «разумным» в смысле 5-го пункта резолюции? Не предвзято толкования органа, который будет рассматривать вопрос о приемлемости моего **Сообщения**, замечу, что и больший, чем двухлетний, срок можно признать разумным для составления **Сообщения**, которое могло бы претендовать на признание его приемлемым в соответствии с резолюцией о приемлемости, пункты которой приведены выше.

3 июня 1974 г.

Чалидзе

Приложение 2

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМУ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Комитет прав человека ознакомился по просьбе заинтересованных лиц с проблемой восстановления прав насильственно переселенных народностей и этнических групп. Выражая удовлетворение восстановлением прав некоторых из таких народностей, мы призываем Президиум Верховного Совета содействовать восстановлению прав крымского татарского народа и месхов (и иных народностей и групп) на проживание на территории, с которой они были насильственно и противоправно выселены. Мы призываем Президиум Верховного Совета принять меры к тому, чтобы все

граждане нашей страны могли в полном объеме осуществить принадлежащее им право свободного выбора места жительства, чтобы, в частности, такое право могли реализовать граждане этих национальностей до общего решения вопроса о возвращении им их территорий: селиться на этой территории, приобретать строения и трудиться.

21 апреля 1972 г.

А. Д. Сахаров, А. Н. Твердохлебов, В. Н. Чалидзе, И. Р. Шафаревич

Приложение 3

Бостон, 17 декабря 1973 г.

Глубокоуважаемый г-н В. Н. Чалидзе!

В ответ на Ваш запрос о национальностях, высланных Советским правительством в конце и после второй мировой войны, я сообщаю Вам,

что, находясь в заключении в 1950 г., а с ноября упомянутого года до апреля 1953 г. в ссылке в г. Караганда (Казахская ССР), я неоднократно слышал от других заключенных и ссыльных об административном переселении поголовно всего национального населения 8 автономных республик и областей и сам встречал в Караганде многих немцев, высланных из Автономной республики немцев Поволжья, а также из Москвы и других частей СССР, а также чечен, высланных из Чечено-Ингушской АССР, а во время моего этапирования в карагандинскую ссылку встречал также крымских татар, которых, как они говорили, очень много было поселено в Красноярском крае, а также ингушей;

что, согласно правительственному постановлению, вывешенному в 50-53 гг. в Караганде при входе в каждую комендатуру, куда ссыльные периодически должны были являться на отметку, за подписью Молотова и Чадаева, «спецпереселенцы» пользовались всеми правами советских граждан с ограничениями, установленными этим постановлением, среди которых имелись запрет покидать без разрешения местных властей район поселения, а также обязанность избирать из своей среды «десятидворок», которым переселенцы должны были в короткий (не помню, недельный или десятидневный) срок сообщать о всех изменениях состава семьи, как то: рождение ребенка, смерть члена семьи, побег и т.п.; и обязанность заниматься честным трудом; что переселенцы имели внутренние советские паспорта с особой отметкой и обязаны были регистрироваться в комендатуре раз в месяц;

что этот режим практически лишал спецпереселенцев возможности получить высшее образование, по крайней мере за пределами немногочисленных вузов, находившихся в некоторых районах их поселения; формально им было предоставлено право обращаться с заявлениями о приеме в вузы других городов, но такие заявления в большинстве случаев встречали отказ или оставались без

рассмотрения, но и в тех весьма редких, знаменитых среди спецпереселенцев случаях, когда они удовлетворялись, задержка привела к потере по крайней мере одного учебного года, и удовлетворялись только особо настойчивые многократные заявления, причем по месту учебы в другом городе спецпереселенец продолжал быть обязанным периодически регистрироваться и не пользовался свободой передвижения, а по окончании образования предполагалось его возвращение на место переселения;

что по достижении подростком-переселенцем 16 лет к нему являлся представитель комендатуры, поздравлял его с днем рождения и сообщал, что к лицам его национальности правительство относится с особым вниманием и поэтому молодой человек обязан стать на учет в комендатуре;

что переселение распространялось также на потомство переселенных, а во многих случаях и на их супругов, не подлежавших до брака никаким ограничениям, но последнее при настойчивости супруга иногда признавалось местными властями неправильным и ограничения для супруга в таких случаях смягчались;

что спецпереселенцы часто говорили мне, что знакомое мне постановление за подписью Молотова-Чадаева (датированное, кажется, 1945 г.) давно уже утратило значение, и действует другое, секретное, объявленное каждому из них под расписку, и в соответствии с которым они не могут самовольно покидать место своего жительства под угрозой 25-летнего заключения, которое в те годы считалось реальным и притом бытовым явлением, особенно в местах поселений спецпереселенцев;

что правила, запрещавшие самовольное удаление из района спецпоселения, рассматривались в многорайонной Караганде как формальность, не имеющая серьезного значения, если переселенец (или ссыльный, на которого распространялись те же правила) всего лишь проводит часть дня в другом районе города, но ночевать он обязан всегда в своем районе;

что 8 января 1952 г. я был вызван в комендатуру МВД своего района г. Караганды, и начальник добивался того, чтобы я расписался на машинописной копии **секретного** (возможно и даже вероятно, но точно не помню, «совершенно секретного» по грифу) Указа Президиума Верховного Совета СССР от какого-то (не помню числа) октября или ноября (это помню) 1948 г., занимавшей одну страницу;

что эта копия начиналась словами: «В целях укрепления режима поселения (или «переселения» — не помню), установленного Верховным Органом (именно так!) Советского Союза (или «СССР» или «Союза ССР» — не помню) для (или «в отношении» — не помню) лиц следующих национальностей (следуют следующие **семь** национальностей, но не помню, в каком порядке): немцы, чечены, ингуши, крымские татары, карачаровцы, греки, калмыки и другие (слова «и другие» наверняка были), Президиум Верхов-

ного Совета СССР разъясняет (или «постановляет» — не помню), что переселение считать произведенным навечно, без права возврата» (это точные слова) и далее, среди других пунктов, что побег переселенца наказывается каторжными работами на срок до 20 лет (именно до 20 — это помню точно), а укрывательство беглого переселенца наказывается лишением свободы (кажется, только этой мерой, не каторгой, но во всяком случае не более мягкой) на срок до 5 лет (срок лишения свободы помню точно);

что этот Указ был подписан, как обычно подписывались в 1943 г. Указы этого Президиума, Шверником и Горкиным (или Горским?);

что я отказался подписать предъвленную мне копию Указа, а мой начальник на этом некоторое время настаивал, мотивируя это тем, что Указ распространялся и на меня, что я сослан навечно, а на мое возражение, что я сослан Особым Совещанием при МГБ только на 5 лет, причем уже почти двумя годами позже этого Указа, о котором МГБ, конечно, знало, и что я не принадлежу ни к одной из перечисленных национальностей, начальник ответил: «Тут же сказано «и другие»; последовал спор, в котором я спрашивал, кто эти «другие» и есть ли среди них русские или евреи (я — помесь этих двух национальностей), а начальник отказывался утверждать, что Указ распространяется на одну из этих национальностей, но все же продолжал настаивать на том, что там написано «и другие», пока, наконец, не появился какой-то другой чиновник, и мне было предложено посидеть некоторое время в другой комнате, но минут через 15 сообщено, что произошло «недоразумение» и Указ, действительно, не имеет ко мне никакого отношения;

что в те дни января таким образом Указ предъвлялся в Караганде многим ссыльным на предмет подписи его копии, и многие подписывали копию, но после смерти Сталина (5 марта 1953 года) этим подписям не придавалось никакого значения;

что режим спецпереселения после смерти Сталина еще до моего отъезда из Караганды (25 апреля 1953 г.) начал ослабевать в том, что спецпереселенцев стали призывать в армию, а на следующий год, после посещения Караганды Н. С. Хрущевым, им было разрешено перемещаться по Казахстану, а в 1956 г. они приобрели обычную для советских граждан свободу передвижения, даже часть автономных республик и областей была восстановлена и в эти республики переселенцы этих национальностей смогли вернуться, но этого не произошло до сих пор ни с немцами Поволжья, ни с крымскими татарами; я ничего не знаю о судьбе того множества крымских татар, которые в начале 1950-х годов проживали в Красноярском крае.

Хотя упомянутый Указ 1948 года я прочел тогда, с целью запоминания, несколько раз, все же мне не удалось запомнить его так точно, как хотелось бы. Как были названы там «крымские

татары»? По-моему, именно так и названы «крымскими татарами», запомнилось именно так. Вряд ли стояло просто слово «татары», так как на татар, живущих в АССР со столицей в Казани, переселение не распространялось. Во всяком случае, там не говорилось о «лицах татарской национальности, проживавших прежде в Крыму». Это, как легко понять, и не могло быть сказано в документе, воспроизводившем свежее решение «Верховного Органа».

Хотя рассказанный мной документ представляет немалое для наших дней историческое значение, а поэтому ученые разных стран должны принять участие в поисках его текста, полное решение вопроса о том, ограничен или неограничен был перечень тех национальностей, для которых в 1945 г. был «Верховным Органом» установлен режим спецпереселения, можно получить, лишь ознакомившись с оригинальным решением этого «Органа». Весьма важной представляется мне проблема — содержались ли там слова «и другие».

Наконец, добавлю, что и независимо от указов сороковых годов принудительное переселение национальностей в СССР происходило еще в тридцатые годы. В одних случаях они просто удалились из СССР, как произошло это с персами, проживавшими в Ашхабаде (где я жил в 1941-42 г.г. и слышал упоминания местных жителей об этом событии). В других — их переселяли из одних частей СССР в другие, как, например, корейцев, которые после известных японо-советских боев у озера Хасан в 1938 г. были переселены в Казахстан, по которому, в отличие от более поздних переселенцев, имели признанное властями право свободно передвигаться. Система ограничений была очень сложной.

А. С. Вольпин

ДЕЛО АКИМОВА

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по уголовному делу по обвинению Акимова Джеппара Акимовича
по ст. 191-4 УК Узбекской ССР, 203-1 УК Таджикской ССР
и 190-1 УК РСФСР.

(Извлечения)*

В ночь на 18 мая 1972 года в г. Бекабаде неизвестными лицами были вывешаны три черных полотнища с надписями: «18 мая —

* Подписано:

Следователь по особо важным делам при прокуроре
Узбекской ССР
старший советник юстиции

подпись
(Березевский)

день выселения крымских татар из Родины». По данному факту 19 мая 1972 г. было возбуждено уголовное дело № 7870 по признакам преступления, предусмотренного ст. 204 ч. 11 УК УзССР. В этот же день был произведен обыск на квартире Акимова Д. А., подозреваемого в причастности к вывешиванию черных полотнищ. Во время обыска у Акимова изъяты два машинописных листа, правленные им, которые являются составной частью клеветнического документа под названием: 49 лет ленинского декрета об образовании Крымской АССР. В процессе дальнейшего расследования причастность Акимова к вывешиванию черных полотнищ не подтвердилась. Вместе с тем, было установлено, что Акимов на протяжении длительного времени занимался изготовлением клеветнических документов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, в связи с чем в отношении его из уголовного дела № 7870 выделены в материалы в особое производство (т. 1, л.д. 1).

Предварительным следствием по делу установлено, что обвиняемый Акимов, начиная с 1967 г., являлся одним из организаторов и подстрекателей так называемого движения за возвращение в Крым и систематически занимался изготовлением документов, в которых содержится строй; он же как «представитель» крымскотатарского народа и член «инициативной группы» г. Бекабада неоднократно принимал участие в нелегальных антиобщественных собраниях в городах Узбекистана, Таджикистана, а также в г. Москве.....

Акимов, находясь в Москве с 6 ноября 1971 г. по 6 января 1972 г. в качестве «представителя» крымскотатарского народа, принял участие в составлении «Информации № 108», содержащей клеветнические измышления на советский государственный и общественный строй, которую одобрил и подписал. Указанная информация получила распространение среди граждан татарской национальности и была разослана в ряд государственных и общественных учреждений. В информации, в частности, указывается, что после опубликования Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 г. якобы имеют место ...издевательства и глумления над крымскими татарами; а также клеветнически утверждается, что... «крымскотатарский народ вычеркнут как самостоятельный народ из списков народов СССР».

7-8 мая 1972 г. в г. Маргилане Акимов являлся участником организованного собрания «представителей» крымскотатарского народа, прибывших из областей районов и городов Узбекистана, Таджикистана, Казахстана, Краснодарского края, Закавказья, Юга Украины и Крыма, где совместно с другими принял активное участие в обсуждении и Изготовлении «Информации № 25», которую он подписал.

В указанном документе Акимов и другие «представители» возводят клевету на национальную политику КПСС и Советского правительства, на положение крымских татар в СССР, пытаются

доказать, что якобы «...крымскотатарский народ все чаще продолжает оставаться в положении народа, насильственно лишенного своей национальной родины, принудительно укореняемого на местах ссылки и преднамеренно поставленного в условия, способствующие его ускоренной ассимиляции...».

Извращая советскую деятельность и правовое положение татар, он, как и другие, указывает, что «...крымскотатарский народ не хочет и не будет оставаться и дальше пасынком в равноправной семье братских советских народов...». Данная информация была размножена и направлена в различные организации и частным лицам.

Там же Акимов принял участие в обсуждении и составлении в соавторстве с другими клеветнического документа под названием: «Письмо-обращение крымскотатарского народа в связи с 50-летием образования СССР», который он одобрил и в машинописном тексте этого документа произвел правки и дописки.

Возводя клевету на национальную политику Советского правительства, авторы документа указывают, что якобы и ныне «...крымскотатарский народ вот уже 28 лет поставлен в униженные условия национального неравноправия, в положение пасынка». В этом же документа также клеветнически указывается, что в отношении крымскотатарского народа каждый раз со стороны карательных органов применяются «угрозы, запугивания, преследования, аресты, суды, исключения из партии активистов движения и т.д.».

Содержание этого документа извращает и смысл Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 г. «О гражданах татарской национальности, ранее проживавших в Крыму».

Допрошенный в качестве обвиняемого по существу предъявленного обвинения по ст.ст. 191-4 Узбекской ССР, 203-1 УК Таджикской ССР и 190-1 УК РСФСР Акимов Д. А. виновным себя не признал. Подтверждая свое участие в качестве «представителя» крымскотатарского народа на встречах в г. Ленинске, Ленинабаде, Маргелане и Москве, обсуждение, одобрение, подписание документов, перечисленных в постановлении о предъявлении ему обвинения, Акимов вместе с тем отрицает изготовление этих документов и наличие в них заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.....

П Р И Г О В О Р

ИМЕНЕМ УЗБЕКСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

г. Ташкент

Судебный зал Ташкентского Областного суда. 1972 г., ноября
месяца 21-28. Судебная коллегия по уголовным делам Ташкентского
Областного суда в составе:

Председательствующего — МАКСУМОВА М. М.
Нарзаседателей т.т. КОРЖ Н. А. и КАМИЛОВОЙ М.
При секретаре ЧЕРЕДНИЧЕНКО Р.
С участием прокурора Ташобласти т. ГАЛАШКО К.
Адвоката ЛУКЪЯНОВА С.

В открытом судебном заседании 21, 23, 27, 28 ноября 1972 г. рассмотрев уголовное дело по обвинению АКИМОВА Джеппара Акимовича, уроженца дер. Туак, Алуштинского района, Крымской области, 1909 г. рождения, образование среднее специальное, б/п, ранее не судимого, семейного, пенсионера, по национальности — татарина проживающего в г. Бекабаде, ул. Лермонтова 2, по данному делу с 29 августа 1972 г. содержится под стражей, предан суду по ст. ст. 191-4 УК УзССР, 190 прим. УК РСФСР и 203 прим. Тадж. ССР,

УСТАНОВИЛА

подсудимый Акимов Джеппар Акимович, проживая в г. Бекабаде, Ташкентской области, является одним из организаторов и подстрекателей так называемого движения за возвращение всех татар в Крым, систематически занимался изготовлением документов, в которых содержатся заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Он как представитель крымскотатарского народа принимал неоднократное участие в нелегальных антиобщественных сборищах.

Так 16/IX-1967 г., совместно с другими, принял участие в организованном сборище в г. Ленинабаде Таджикской ССР, где принял участие в обсуждении и изготовлении информации № 5, деятельность партийных и советских органов. В ней указано, что которую он подписал. В этой информации возводится клевета на все собрания по разъяснению Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5/IX-1967 г. «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму» носили характер шантажа, давления, обмана и запугивания членов инициативной группы областей и районов.

Акимов Д. А. 1617/XII-1967 г. участвовал на республиканском сборище представителей инициативной группы в гор. Ленинске Андижанской области, где также принял участие в обсуждении и изготовлении клеветнического документа «информация-отчет № 8», который он подписал.

В 1970 г. Акимов Д. А. в составе с другими изготовили в Бекабаде документы «49 лет Ленинского декрета об образовании Крымской АССР». В этих документах возводится клевета на положение крымских татар в ССР, у которых якобы после переселения татар из Крыма «началась кошмарная жизнь в ссылке и резервации».

Акимов Д. А. участвовал в изготовлении этого документа и

подписал, произвел поправки и дописки в двух листах, которые изъяты при обыске у него.

Акимов Д. А., находясь в Москве с 6/ХІ1971 г. по 6/І-1972 г. в качестве «представителя крымскотатарского народа», принял участие в составлении «информации № 108», содержащей клеветническое измышление на советский государственный и общественный строй, которую одобрил и подписал.

7-8/V-1972 г. в гор. Маргелане Ферганской области Акимов Д. А. являлся участником организационного сборища «представителей крымскотатарского народа», где совместно с другими принял активное участие в обсуждении и изготовлении информации № 25, которую он подписал, а также принял участие в обсуждении и составлении в соавторстве с другими клеветнического документа «Письмо-обращение крымскотатарского народа в связи с 50-летием образования СССР», в котором произвел поправки и дописки. Все эти документы размножены и распространялись партийным советским учреждениям и отдельным гражданам.

Допрошенные в качестве свидетелей на предварительном следствии и на судебном заседании АБЛАЕВ Ф., СЕЙДХАЛИЛОВ, АМЕТОВ, ИСМАИЛ, МУСТАФАЕВ У., ШУГУ З., АБДУРАМАНОВ А. и другие подробно показали о состоявшихся собраниях и о принятых документах и эти документы размножились, передавались из рук в руки и направлялись по почте гражданам крымскотатарской национальности для ознакомления.

Подсудимый Акимов Д. А. не отрицает, что корректировал документы, выступал на совещании с призывом поддержать позиции инициативной группы и подписать информацию, которые и сам подписывал. В своем объяснении Акимов Д. А. не считает клеветническим измышлением Советский государственный и общественный строй и поэтому в его действиях отсутствует состав преступления.

Коллегия находит совершенные преступления пр. пр. ст. 191-4 УК УзССР, 190 прим. УК РСФСР и 203 прим. УК Тадж. ССР материалами дела доказанными и правильно квалифицированными, поэтому считает необходимым избрать Акимову Д. А. меру наказания в виде лишения свободы, хотя он ранее не судим и санкция статьи уголовного закона предусматривает и другие, не связанные с лишением свободы меры, но считая совершенное преступление является систематическим и общественно опасным и оно совершено с вовлечением других лиц. На основании ст. ст. 279-296 УПК УзССР коллегия

П Р И Г О В О Р И Л А:

АКИМОВА Джеппара Акимовича по ст. 191-4 . .УК УзССР лишить свободы в ИТК общего режима сроком на 3 года, по ст. 190 прим. УК РСФСР лишить свободы в ИТК общего режима сроком на три года и по ст. 203 прим. Тадж. ССР лишить свободы в ИТК

общего режима сроком на 3 года. В силу ст. 40 УК УзССР окончательную меру наказания Акимову Д. А. определить в 3 года лишения свободы в ИТК общего режима. Срок для отбытия меры наказания исчислять с 29/VIII-1972 г. Приговор может быть обжалован в Верховный суд УзССР в 5-дневный срок со дня вручения копии приговора осужденному.

Председательствующий — МАКСУМОВ

Нараседаатели — КОРЖ и КАМИЛОВ

Копия верна: подпись печать

ПЕРЕЧЕНЬ ИМЕН

Абанькин 15	Буковская, Н. И. 29	Глаголева, Р. В. 17
Абдураманов, А. 61	Буковский, В. К. 15, 16,	Глузман, С. 15
Абхаев ф. 61	29, 36	Горбаневская, Н. Е. 5,
Азадовский 25	Булгаков 26	37
Азерников 15	Буоссари, Н. 7	Горкин 56
Акимов 15, 57-62	Буткус 15	Григоренко, А. П. 35
Альбрехт, В. Я. 6, 14	Бутман 15	Григоренко, З. М. 35,
Альтман 15		36, 37
Амальрик, Н. 15	Вайль, Б. 15	Григоренко, П. Г. 15,
Аметов 61	Вальдхайм, К. 39	31-37, 41
Андреев, Б. С. 17	Вахман 15	Гуковский 25
Антоненко-Давидович,	Великанова, Т. М. 5	Гуревич 7
Б. 38	Вернадский 9	Гусак, Д. 15
Архангельский, В. 6	Винс, П. 19	
Ахматова 26	Власов, И. 44	Дандарон, В. Д. 15
	Волкова 24	Данильчук 15
Бабель 26	Володин 27	Джемилов 15
Бабич 15	Вольпин, А. С. 41, 48,	Дженнер, Ф. А. 36, 37
Баранов, Е. 8	57	Дзюба, П. 38
Бауер, Л. 28	Воронель, Н. 31	Добровольский, А. 8
Бахмуров, П. 44	Вороньянская 18, 24	Домашнев, А. И. 21,
Белгородская, И. М. 5	Выходцев, П. С. 19	24
Белокопытов 35	Вышинский, Н. 45	Достоевский, Ф. М. 10
Бергман 28		Дремлюга, В. 15
Берс, Л. 11	Габай, И. 41	Дудко, Д. 27, 28
Блюм, М. 7	Гаврилов 15	Дымшиц, А. 19
Боборыкин, А. Д. 18	Галансков, Ю. Т. 8, 9	Дымшиц, М. 15
Болонкин, Н. 15, 30	Галашко, К.	Ширмунский 25
Боннэр, Е. Г. 9	Галич/Гинзбург/ А. А.	
Борисов, Вл. 37	31	Заливако, Б. 15
Брежнев, Л. И. 14, 22,	Гастев, Ю. 29	Залмансон, В. 15
38	Гершуни, В. Л. 30	Залмансон, И. 15
Брехт, Б. 19, 25	Гинзбург, А. 8, 9, 26,	Залмансон, С. 15
Бродский, И. 16, 18, 19,	27	Зейферт, А. 28
23, 24, 25		Зотов, А. И. 21

- Иванов, П. Л. 22, 24
- Каллистратова, С. В. 34
Калынец, И. 15
Калынец-Стасив, И. 15
Камилов, М. 60, 62
Караванский, С. 15
Карлайл, Г. 39
Ковалев, С. 5
Конухов, Ю. В. 23
Козаковский, А. 8
Комаров 15
Корш, Н. А. 60, 62
Корнеев, И. 6
Красивский, З. 15
Красин, В. 5, 10
Краснов-Левитин, А. 9.
28
Кудирка, С. 15, 30
Кузнецов, В. 37
Кузнецов, 9. 8, 9, 10,
15
Кульба 22
- Лавров, Ю. 15
Ладыженский, Л. 15
Лашкова, В. И. 8
Ленин 22
Леонтович, М. А. 34
Лукьянов, Т. 60
Лунц, Д. Р. 33
Лупынос 15
Лысенко, Т. Д. 24
Любарский, К. 29
Лялин 7
- Майер, Д. 7
Макаренко 15
Макаров 15
Максумов, М. М. 60, 62
Мальцева, М. М. 33
Мандельштам 26
Манизер, Л. 23
Марамзин, В. 16, 17,
18, 22
Марченко, А. 30
Менделевич 15
Мерзон, А. 21
Могилевер 15
Молотов 55
Монтлевич 15
- Мороз, В. 15, 37-38
Морозов, В. М. 33
Морозов, Г. В. 33
Мурженко, А. 15
Мустафаев, У. 61
- Некипелов, В. 11-13, 15
Никсон, Р. 14, 30, 31
Новиков 7
- Огурцов, И. 15, 29
Ольденбургер 28
Осипов, В. 29
- Панов, В. 31
Пенсон 15
Парыгин, Б. Д. 21
Пимен, патриарх 27
Пименов, Р. Г. 22
Пирогов, С. 13, 15
Плющ, Л. И. 15, 30
Повилонис 15
Подгорный, Н. В. 11
Подьяпольский, Г. 28
Пономарёв 15
Попадюк 15
- Рагозина, Г. 31
Райх, А. И. 22
Реддавей, П. 8
Романов, А. 15
Романюк 15
Рудайтис 15
Руденко 34
Руппель, Ф. Ф. 28
Рушкенас 15
- Садо, М. 15
Сакаукас 15
Самутин 18
Сахаров, А. Д. 10, 11,
14, 16, 28, 34, 38,
48, 49, 52, 54
Сверстюк, О. 15
Светличная, Н. 15
Светличный, И. 15
Сейдхалилов 61
Сеник, И. 15
Сергеева 7
Серебровская, Е. 19
Симонов 26
- Симутис 15
Соколов, В. 12
Солженицын, А. И. 11,
18, 22, 23, 24, 25,
37
Сталин 56
Старчик, П. 15
Строкатая, М. 15
Сульсене, М. 30
Суперфин, Г. Г. 5, 7-
11, 15
Сусленский, Я. 15
- Твардовский 26
Твердохлебов, А. 6, 10,
11, 14, 48, 49, 52,
54
Тишинас 15
Товмасян, А. 29
Третьяковский 25
Турова, З. Г. 33
Турчин, В. Ф. 34
- Убожко, Л. 15
Уоррен, Р. П. 11
- Фадеев 26
Файнберг, В. 31, 37
Фаст 28
Фельдман, А. 15
Фёдоров, Ю. 15
Фролов 15
- Ханцис, Я. 15
Хаустов, В. 10, 15
Хейфец, М. Р. 15, 16,
17, 18, 22
Хнох 15
Ходорович, Т. С. 5, 38
Хрущев, Н. Е. 56
- Цукерман, Б. 32
- Чаадаев 55
Чалидзе, В. Н. 34, 39,
42, 48, 49, 54
Чередниченко, Р. 60
Черновал, В. 15, 38
Чепуров, А. И. 19
Чиннов 15

Шабатура, С. 15	Штейман 11	Эрлих, В. 11
Шафаревич, И. 28, 37, 48, 49, 52	Шугу З. 61	Эткинд, Е. Г. 17-26
Шахвердян, В. 15, 29	Шульц 28	Юдович 10
Шверник 56	Шумук 15	Юлин 27
Шекспир 18	Шухевич, Ю. 15	Якир, И. П. 5
Шиханович, Ю. 30	Щукина, Г. И. 21	Якир, П. И. 5, 10
Шкельник, И. 15	Эвентов, И. С. 22, 23	Якобсон, А. 5
Шнарр, Ф. Д. 15, 28	Эйхенбаум 25	Яхимович, И. 37

ХРОНИКА ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР

Условия годовой подписки (6 выпусков)

Для организаций и библиотек	\$20
Льготная для студентов и эмигрантов в Израиле	\$10
Обычная	\$15
За пересылку авиапочтой оплата дополнительно	\$ 5

(Просьба указать, на какое издание, русское или английское, делается подписка)

Можно заказать выпуски 1973 г.

KHRONIKA PRESS
505 EIGHTH AVENUE
NEW YORK, N. Y. 10018

ФАМИЛИЯ

АДРЕС

.....

Прилагаю при сем сумму \$.....

\$3.00

ДРУГИЕ ИЗДАНИЯ «ХРОНИКА-ПРЕСС»:

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ВЫПУСКИ 28—31 В ОДНОЙ КНИГЕ

Цена \$5.00. авиапочтой \$6.00

А. САХАРОВ

О ПИСЬМЕ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

«ВОЖДЯМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА»

Цена \$0.50, авиапочтой \$1.00

В. ЧАЛИДЗЕ

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Цена \$ 8.00, авиапочтой \$10.00
